

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ КРУЗ,
МАРИЯ КРУЗ

НА ПОРОГЕ ТЬМЫ

Annotation

Любая дорога начинается с одного, первого шага. Даже дорога в другую реальность. Иногда этот шаг можно сделать случайно. Всего лишь один шаг, и ты оказываешься на пороге Тьмы, в странном, потерявшемся среди слоев времени мире, среди таких же потерявшихся людей. Этому миру будущее не сулит ничего хорошего, но все же люди в нем остаются людьми, то есть обустривают свою жизнь, любят, дружат, ссорятся, враждуют... и все равно ищут пути обратно, пусть это и выглядит безнадежным.

Андрей и Мария Круз

На пороге Тьмы

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРОВ

В данной книге пистолеты-пулеметы называются автоматами — так, как это делалось до появления автомата Калашникова в нашей стране. Сочетание «пистолет-пулемет» авторы считают слишком неуклюжим и по сути своей нелепым для употребления в литературном тексте. Поэтому слово к ревнителям правильности терминов: в данном случае ваша ревность неуместна.

Также многие детали описываемых машин, механизмов и образцов оружия отличаются от привычных. Это сделано умышленно, для того чтобы подчеркнуть «альтернативность» изображаемой действительности.

— Ну сходи посмотри, что там с генератором... Что же ты такой ленивый? — сказала она, обернувшись от плиты. — Вторую неделю тебя загнать не могу, а если опять свет отрубят?

— Я не ленивый, я — выходной, — запротестовал я. — И к тому же поесть хотел. Поем — и потом сразу же посмотрю.

С этими словами я быстро пересек кухню, открыл дверцу холодильника и с преувеличенным вниманием уставился в его белое нутро, уставленное едой, словно размышляя над тем, чем бы себя покормить, чтобы прямо на месте не умереть с голоду.

— Закрой, — сказала она, вздохнув. — Я котлеты жарю, вернешься — и сядем за стол. А если ты сейчас поешь, то потом заявишь, что после еды отдыхать надо, потом уже темно будет...

— Чего темно-то? — немного возмутился я. — Времени всего два часа.

Я даже по циферблату часов пальцем постучал, доказывая правдивость своих слов.

— Это сейчас два часа, а когда ты поешь и отдохнешь, уже спать пора будет, — ответила она таким тоном, словно и вправду какую-то истину знала. — И в баню хочу зайти.

Это крыть было нечем, удар ниже пояса. Мне совершенно не хотелось идти на улицу, на ветер и мелкий, морозящий дождик, лезть в сарайчик и копать там с генератором, присев на корточки или согнувшись в три погибели. Но вообще-то сделать это было нужно — в последнее время несколько раз в нашем поселке отключался свет, причем всегда удивительно не вовремя. Этой весной, в пик паводка, вода норовила залить подвал, а заодно отключился свет. И что хуже всего — не включился генератор, питавший аварийный погружной насос в прямке, который должен был спасти дом от затопления. И нас дома не было: ездили к ее родителям в Петербург. Как результат — все двери в подвале разбухли, хоть под замену их, а заодно ножки столов, промокли громкоговорители в домашнем кинотеатре — в общем, убытку случилось выше башки.

Это все издержки переезда за город вообще-то, но с генератором по-любому нужно разобраться. А то он то включится, то не включится — не годится. И в баню я не против, хотя это вовсе и не баня, а электрическая сауна. Но зайти туда, особенно в такую погоду, все равно хорошо.

— Сходи, сходи, хотя бы разберись. Сам справишься или вызывать кого-то надо? —

подбодрила она меня.

— Хорошо, схожу, — обреченно сказал я и, вздохнув подчеркнуто тяжело, поплелся к выходу.

Без году неделя живем вместе, а уже командует. Мало мне было одного брака — так во второй лезу. Но одному хуже. Да и она на самом деле вовсе не злодейка, а очень даже... во всех отношениях... особенно при закрытых дверях... баня опять же...

На улицу действительно не хотелось: дождь с ветром шел уже третий день, было мерзко и холодно. Осень, фиг ли. Решив не мелочиться, я вытащил из ящика для обуви зеленые резиновые сапоги, которые сам именовал ресапами, разбудив при этом дремавшего на ящике кота, потянувшегося и покинувшего доселе спокойное место, натянул их на толстый носок. Не хрен промокать. Свитер, на свитер дождевик с капюшоном — так оно поуютней будет, типа «я в домике».

Ладно, надо идти. Спустился ниже, в цокольный, к двери в гараж. Надо инструменты взять, — может, и сам справлюсь. Хоть и не великий специалист, но мелкий ремонт учинить вполне способен и разобраться на уровне «есть контакт — нет контакта».

Подумав недолго, собрал с висящего на стене стенда пару отверток, маленький разводной ключ и плоскогубцы, потом прихватил рабочие перчатки, выудив их из металлического ящика верстака. Достаточно, если что еще понадобится — зайду сюда еще разок.

Протиснулся между двумя машинами, заполнившими гараж запахами резины и бензина, нащупал в кармане большой пластиковый брелок с большой кнопкой. Легкое алюминиевое полотно ворот поползло вверх, подтягиваемое тросиком, на пол упал прямоугольник серого света с улицы. Елки-моталки, почему климат у нас не французский, а вот эдакий?

Дождик брызнул в лицо, с шуршанием ударил по дождевику, попытался сдернуть с головы капюшон, затрепыхал лапами плаща. Мерз-з-зко. К морю бы, в тепло, на солнце. На Коста-дель-Соль, например.

Сарайчик с генератором пристроился позади дома, рядом с дровяным навесом. Понимаю, что с точки зрения эстетики не идеал, но все же решил этот самый дэрчик в подвале дома, в топочной, не размещать. И запах от него солярный, и дым в перспективе. Мы тогда даже чуть поцапались — ей эстетика важнее, но мне все же удалось настоять, пугая пожарной безопасностью. На предмет самовозгорания, так сказать.

Над головой приоткрылось окно, за стеклом показалось ее лицо.

— На обратном пути дров прихвати, ага? Камин хочется затопить.

— Без проблем.

Камин мы с весны до осени обычно не трогали, но сейчас и вправду охота по такой погоде. Пора, сезон наступил. И сесть рядом с книжечкой и коньячком. После бани. А что?

Навесной замок на сварной металлической будке открылся легко, а вот створка двери — с усилием: ветер так и норовил ее закрыть. Я накинуд на ручку петлю из толстой проволоки, закрепленную на столбике дровяного навеса: света внутри не было, весь расчет на естественное освещение и маленький фонарик в кармане. Из сарайчика пахнуло солярной вонью, лишний раз подтвердив, что я все правильно сделал, настояв на отселении дэрчика. Небольшой агрегат на металлических полозьях солидно занимал центр крошечного помещения, от него тянулся кабель к стене, к белой пластиковой коробке.

Ветер бросил мне в спину через дверь вихрь мелких капель, заставив поежиться. Обойдя генератор по кругу, я присел за ним, разложив на бетонном полу принесенные инструменты.

— Так, и чего дальше? — спросил я сам себя.

Словно в ответ на мои слова порыв ветра с грохотом захлопнул дверь, погрузив меня в абсолютную, полную темноту, не нарушаемую ни единым лучиком света. От неожиданности я дернулся, попытался встать и приложился затылком о низкий потолок, да еще не о гладкий стальной лист, а о грань уголка.

— Блин, петлю сорвало, — пробормотал я, почесав ушибленный затылок.

Откуда-то сильно потянуло холодом, словно рядом открылась дверца холодильника, по спине пробежала волна озноба, затем все словно онемело — и лицо, и руки. Сильно закружилась голова, я даже вынужден был опереться на генератор, чтобы не упасть. Ощущение было такое, как если долго сидишь на корточках, а потом резко вскакиваешь и чувствуешь, что вот-вот свалишься в обморок. Заодно откуда-то вместе с холодом накатила волна страха. Самого настоящего детского страха, той самой боязни темноты, о какой я за многие годы даже забыть успел. Показалось, что кто-то стоит прямо у меня за спиной и дышит в затылок, явно замышляя недоброе.

Не удержавшись, я рванулся в сторону, наподдав ногой по рассыпанному по полу инструменту, со звоном разлетевшемуся, суетливо сунул руку в карман, нащупав тонкий цилиндрок светодиодного фонарика, и, выхватив его рывком, как пистолет, включил. Темнота шарахнулась от его яркого луча, а вместе с нею разлетелся и страх. Чего это я, действительно?

Потер лицо, возвращая чувствительность коже, зябко передернул плечами. Ну темнота, ну неожиданно, хрен ли я затрепыхался? Не мальчик ведь, всякого повидал. Хотел присесть, но потом сообразил, что света от фонарика все же мало — надо бы дверь открыть и закрепить по-человечески, чтобы ветром не срывало.

Дверь открылась легко. За нею вместо аккуратного, хоть и требующего стрижки газона оказалась высокая, мне почти по пояс, мокрая трава, слегка качающаяся на ветру. Вместо деревьев, декоративных туй, выстроившихся в ряд возле оштукатуренного забора, я увидел заросли осинника, а в них какую-то старую развалину с выбитыми окнами, провалившейся крышей, через которую проросло дерево.

— Это че это? — спросил я вслух, после чего кратко выразился нецензурно.

Никто не ответил. Я выбрался из сарайчика, огляделся. Вместо поленицы была груда валежника. Дома не было. То есть вообще не было! Росла здоровенная кривая береза, возле нее — остаток заваленной набок стены из красного кирпича. У меня в доме не было красного кирпича, были только бетон и пеноблоки с утеплителем.

— Ну и чего? — повторил я вопрос в немного иной интерпретации, ощущая, как сумасшествие плавно подкрадывается ко мне, готовое слиться в экстазе с моим постепенно срывающимся с направляющих мозгом.

Страх почему-то не было. Имелось эдакое ощущение, что вроде кто-то глупо подшутил надо мной, — знать бы кто. Знать и еще понять, как из этой шутки выбраться. Потом найти шутника и... нужное подставить. В меру своей фантазии.

— А дальше-то чего? — продлил я список идиотских вопросов.

Никто не ответил, естественно. Лишь большая серая ворона, усевшаяся на кирпичную развалину, каркнула, словно издеваясь. Я нагнулся за камнем, и она, как и подобает этой подлой породе птиц, не стала дожидаться броска, а сорвалась с места, захлопав крыльями, и полетела. Камень я все же бросил. Он описал бесполезную дугу и с глухим тихим стуком исчез в зарослях.

Не было ни дома, ни поселка. Ни даже дороги к поселку — только какая-то заросшая и заброшенная просека. Был дождь, был лес, абсолютно незнакомый, был запах леса. Не было никаких примет густо застроенного коттеджами пригорода Москвы, да и примет наличия самой Москвы поблизости тоже не имелось. То есть вообще ничего не было. Был сарайчик с генератором, был сам генератор. Сарай изменился — еще несколько минут назад сверкавший мокрой под дождем свежей зеленой краской, теперь он был ржавый, словно его забросили много лет назад в полном небрежении. Никакой проволочной петли тоже не видно.

Это снаружи. А вот внутри — наоборот. Все осталось таким, каким и было: чистый пол, новенький японский генератор, сверкающие инструменты с пластиковыми черно-желтыми рукоятками, рассыпанные по полу. Фонарик в руке.

Не стану скрывать, какие-то идеи по поводу произошедшего у меня мелькнули. Я даже закрылся в сарае с генератором и честно ждал новой морозной волны — в надежде, что она вернет все на место, — кому-то молясь о том, чтобы не сойти с ума окончательно, ругаясь и идиотски хихикая. Но ничего не произошло. Вокруг меня была самая обычная темнота, которая снова спряталась сначала от луча фонарика, а затем была окончательно добита серым светом снаружи, когда я вновь распахнул дверь.

— Не сработало, — громко объявил я неизвестно кому, разочарованный результатом эксперимента.

Я полагал, наверное, что скотина-шутник сидит где-то рядом и наслаждается происходящим, злорадно ухмыляясь. Даже не удержался и сказал вслух:

— Узнаю, чья работа, — порву на английский флаг.

Никто не испугался, да и не ответил мне. Даже ворон больше не было. Вообще ничего не было — только лес и какая-то развалина. И все. И еще я.

— И чего теперь делать?

Так и не понял, то ли я вслух это спросил, то ли мой внутренний голос поинтересовался у меня самого. Поэтому ответил уже вслух — не знаю, себе или внутреннему голосу:

— А хрен его знает.

И сел на мокрый кирпич заваленного куска стены. Идеи не было. Можно было остаться здесь в надежде, что все разрешится само собой и я как-то попаду туда, откуда вывалился, или куда-нибудь идти. Куда? Да вот по просеке, например. Кто-то же ее прокладывал, так что куда-то она должна вести.

Курил бы — точно закурил. Я даже представил себя здесь задумчиво дымящим сигаретой. Но курить бросил давно, лет десять тому назад, так что картина была неактуальной.

Затем пришла мысль следующая: что она подумает? Я ведь здесь оказался не один, а вместе с сараем и генератором. То есть она в очередной раз выпянет в окно, чтобы, например, напомнить про дрова, — и что? Ни сарая, ни мужика в сарае? И что она все же подумает?

Ой, мама дорогая, что же это будет? Меня аж в дрожь бросило, когда я окончательно осознал, что не имею ни малейшего представления, куда нас с сараем занесло и чем это все закончится.

Затем пришла вторая мысль: надо отсюда валить. Искать людей. Людей с телефоном, которые скажут, где я нахожусь, дадут позвонить бесплатно, и тогда я позвоню и попрошу выслать денег. На билет или на такси, если я не очень далеко. И скажу, что с ума не сошел, и она не сошла, акак приеду, так все и объясню. И был не у любовницы. Впрочем, на такси

можно и не высылать — возле дома расплачусь. А сидеть здесь непродуктивно. Это как минимум, потому что вероятность встретить здесь людей так себе. Маленькая она, вероятность эта самая.

— Пойду, — сказал я неизвестно кому, поднимаясь на ноги.

На всякий случай собрал отвертки с пола — не бросать же добротный германский инструмент, — рассовал по карманам. И пошел. Продрался через кусты, обрушивая водопады капель с веток, выбрался на просеку. Очень похвалил себя за то, что обулся в ресапы, а заодно и дождевик накинул. Со мной такое редко случается, максимум, на что способен, — это добежать по двору бегом в чем был, но вот сегодня так не хотелось на мокрень и холод, что я этим одеванием время оттягивал.

Налево или направо? Собственно говоря, никакой разницы я не видел, но справа небо было яснее и светлее, а слева — совсем темное, как свинец, и висело низко-низко. Отчего вероятность вымокнуть была куда выше, если немного подумать. Я и подумал. И пошел направо.

Грязи не было, лесная почва — песчаная, да и просека травой заросла. Ее мокрые стебли хлестали по сапогам и полам дождевика, липли к ним, но идти было легко. Даже ветер был в спину, и дождь на лицо не попадал.

Затем я понемногу начал про себя напевать «Прощание славянки», стараясь идти в ногу с ритмом марша, и постепенно втянулся. Шагал широко, размеренно, время от времени задавая себе счет. Старался еще и дышать в такт шагам — вроде как спортивная ходьба. И успокаивает. И помогает поменьше думать, потому что думать плодотворно не получается. Фактов у меня мало, понимаете. Есть всего один, зато размером с весь этот мир: я оказался непонятно где. И непонятно как. Я живой, судя по внешним признакам, я здоров, со мной ничего не случилось, но я ничего не понимаю. И если начинаю анализировать ситуацию, то прихожу к простому выводу, что анализировать нечего. И вообще невозможно. Поэтому — раз, раз, раз-два-три, шире шаг! Р-раз, р-раз, раз-два-три!

«На месте! Стой!» — так я скомандовал себе, когда отмахал не меньше пяти километров, если верить наручным часам, знанию средней скорости пешего марша и исходить из того, что я и вправду шел, а не лежал в коме где-нибудь в Склифе, куда меня привезли... после удара током, например. Я же как раз к кабелям лезть собирался. Полез, например, а оно меня и... стукнуло, в общем. Ударило.

Остановился же я потому, что просека вывела на дорогу. Дорога — сказано сильно в данном случае, это было скорее «направлением», разбитым проселком, не знакомым с таким явлением, как асфальтовое покрытие, но зато явно не чуравшимся автомобильных колес. И вывод такой я сделал из того, что следы покрышек, отпечатанные на мокрой земле, спутать с чем-то очень сложно. Разве лишь предположить, что проползла змея с протектором. Прокатилась.

— Это радует... — пробормотал я, присаживаясь на корточки и разглядывая след. — И куда же ты проехал? И откуда? В смысле идти-то мне куда?

Понять по следам, куда ехала неизвестная машина, понять не удалось, следопыт из меня так себе. Хреновый следопыт, чего уж скрывать. Единственное, что этому следопыту удалось установить, — что машина здесь проехала не одна, были и другие следы, просто уже расплывшиеся.

— Тогда опять направо, — сказал я сам себе, — потому что «не ходи налево».

Обосновал вроде как. Объяснил. Да и небо опять же было справа посветлее, отчего внутренний голос советовал туда и идти. Поскольку других советчиков у меня не было, послушался этого самого внутреннего голоса.

Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три... Идти даже легче стало, под ногами по-прежнему почти чистый песок, так еще и трава расступилась. Наезженное место, — видать, катаются тут колхозники какие-то. Откуда и куда еще может вести проселок?

Прошел еще километров десять, устал. Все же отвык я от таких марш-бросков, давно не ходил подолгу. Спортзалом вроде не манкировал, ворочал железки всякие и мешок колотил, но вот ногами далеко ходить отвык, да еще и в ресапах. Хорошо, что носки толстые, — была ведь идея просто так сапоги натянуть да и выбежать. Теперь бы все в кровь уже стер, маялся бы и страдал.

Хотелось устроить себе привал, но окружающая действительность мало к тому располагала, потому что все промокло как губка в тазу с водой. Справа — поле, травой заросшее, слева — лес, хвойный, ветки высоко, под деревьями тоже от дождя не скроешься. Надо бы хоть какое-то укрытие найти, там и посидеть минут пятнадцать, отдохнуть. Хоть и в дождевике, но как-то...

Еще через километр, к ликованию своему, наткнулся на какой-то непонятный домик с выбитыми окнами, осыпающейся с серой деревянной дранки штукатуркой и остатками шифера на крыше. Вбежал в него, радостный, словно и вправду что-то хорошее случилось и я не известно где, а уже почти что дома. Но таков человек — умеет не только большому радоваться, но и малому. И я — не исключение.

В многочисленные дыры крыши лила вода, но нашлись, к удивлению моему, и сухие места. Доски пола кто-то явно упер, не сами развалились, но фундамент никуда не делся и при этом делил помещение пополам: наверное, в свое время в середине на него что-то опиралось, что бы это ни было. Кирпич был волглым и холодным, поросшим мхом у земли и по стыкам, но, несмотря на это, я все же на него уселся, вдыхая запах сырости и запустения. Хорошо. И еще ноги вытянуть — подошвы-то уже гореть начали. Изнежился. Помню, еще в армии, как после полугода службы однажды постучал пяткой по деревянному полу казармы и удивился тому, что звук был словно каблуком потопал. Вот тогда у меня ничего не горело, не то что сейчас.

Пить хочется. Огляделся, выбрал из многочисленных струек, что лились с крыши, ту, что потолще, поставил ладони, собрав их в ковшик. Когда набралось на глоток, поднес ко рту.

Вода как вода, холодная такая, как этот самый дождь. Чистая. Пей — не хочу. Впрочем, я хотел. И не торопясь, набирая горсть за горстью, минут десять пил холодную воду по глоточку. Ладно, от жажды не умру. Насчет голода не знаю, но голодным человек может долго прожить — это без воды ему никак, загнетса.

Ладно, что дальше тут яйца высиживать, надо идти. Но едва сделал первый шаг по дороге, как остановился словно вкопанный. Мотор. Автомобильный мотор.

Закрутил головой, пытаюсь понять, откуда звук идет, и главное — куда, не мимо ли? Не по какой-нибудь другой дороге едет машина? Нет, сюда, и меня догоняет. Станный какой-то звук, словно давно знакомый, но неправильный. Где я подобный слышал? Мелькнули в голове какие-то детские ассоциации, двор, машина, ежевечерне заезжавшая за мусором, — «ЗИЛ»-самосвал. Он останавливался у высокого помоста с металлическими поручнями, и мой отец стоял в очереди на этот помост вместе с соседями. Они поочередно туда поднимались и переворачивали ведра, из которых в кучу сыпались бумаги, объедки и всякая дрянь. А потом

дворник туда же выворачивал мусорные бачки, которые стояли по подъездам, воняли и собирали бездомных кошек, а летом еще и мух в огромных количествах. Он составлял эти роняющие помой бачки на специальную тележку с бортиками и, упираясь, катил все к тому же самосвалу.

Нет, не так... «ЗИЛ» посвистывал пневматикой тормозов и гудел двиглом как большой шмель, а этот звук был с подвывом — как будто постанывает мотор, жалуясь на судьбу... Точно! Хлебный «газон», который разгружался в булочной, что была напротив нашего дома. Мрачный мужик в грязноватом халате распахивал створку кузова с надписью «Хлеб» и начинал вынимать оттуда деревянные поддоны с буханками и батонами, взамен забирая из магазина пустые. А бабульки, сидевшие до того на скамеечках у подъездов, вперегонки стайками летели к магазину, чтобы ухватить горячего, прямо с хлебозавода.

Я в напряжении ждал, уставившись на поворот лесной дороги, всматриваясь до боли в глазах, боясь того, что мне это кажется и никакой машины на самом деле нет и не будет, а будет брошенная остановка, пустой мокрый лес и бесконечная дорога, ведущая в никуда. Но вскоре из-за поворота действительно появилась машина.

В общем, я ошибся. Похоже, что показавшийся из-за деревьев автомобиль не имел никакого отношения к Горьковскому автозаводу. Высокий, какой-то кургузый и неуклюжий с виду, со скошенной назад решеткой облицовки радиатора с оторванной эмблемой, он постанывал трансмиссией и громыхал высоким деревянным кузовом. Мне смутно вспомнилось, что где-то я подобную машину уже видел — чуть ли не в кадрах военной хроники времен Великой Отечественной, но мысль так и не оформилась ни во что конкретное. Тем более что окрашен грузовик был в непривычно сочетающиеся крупные серые и зеленые камуфляжные пятна.

Ладно, черт с ним, подумалось мне, и я, шагнув вперед, поднял руку, призывая шофера остановиться и оставаясь при этом в глубине души уверенным, что машина проедет дальше. Как-то очень уж странно выглядело это все, и мне показалось, что шофер должен испытывать подобные же ощущения. И поэтому он плюнет на всякую благотворительность и рванет от меня как можно быстрее, чтобы не связываться со странным и непонятным.

Ошибся. Скрипнув тормозами и обдав меня запахом нагретой резины, грузовик проехал чуть дальше, но все же остановился. Я пошел следом, и... и как в стену уперся.

Водитель, среднего роста молодой, годам к тридцати, мужик с узким лицом и курносый носом, выбрался на высокую подножку и смотрел на меня. Но не только смотрел, но и... уставил на меня ствол довольно серьезно выглядящего пистолета-пулемета, кажется, даже самого настоящего ППШ. Или ППС, что-то я не понял.

— Тебе куда? — спросил он таким тоном, словно все в порядке и я не стою с перекошенной рожей, испуганный и обалдевший.

— Ну... — совсем растерялся я. — Куда-нибудь к людям...

— Ага, — удовлетворенно кивнул тот. — Ближе подойди тогда.

Ствол оружия показал примерно куда. Туда я и пошел, не имея никакого желания спорить. Посмотрел на него внимательней, мимолетно удивился какому-то антикварному или даже сценическому наряду. Яловые сапоги памятного со срочной службы фасона, бриджи хэбэ, шоферская кожаная куртка поверх свитера, на голове маленькая фуражка вроде военной, но без кокарды. Старая такая, подобные еще в Гражданскую носили. Он ее на затылок сбил, так что темные волосы на лоб падали. Станный вид, очень странный. Под стать машине и оружию.

— Еще потерянец, — удовлетворенно сказал парень и вдруг посветил мне в глаза фонариком, который все время держал в руке.

Я поморщился, хотел отвернуться, но он крикнул:

— На свет смотри! Стрелять буду!

Пришлось смотреть — стрельбы, особенно по мне, не хотелось. Секунд через десять он кивнул, убрал фонарик, к удивлению моему оказавшийся со шнуром, тянущимся куда-то в кабину, вроде обычной автомобильной аварийной переноски, затем спросил:

— К людям, говоришь?

— Вроде того, — кивнул я.

— А ты знаешь, куда именно? — спросил он с какой-то странной интонацией.

— Не-а... — покачал я головой. — Чего не знаю, того не знаю.

К моему изумлению, он удивленным таким ответом не выглядел, лишь усмехнулся и сказал:

— Так и думал. Садись в кабину.

И, опустив оружие, сам уселся за руль.

Меня второй раз приглашать не пришлось. Не задавая больше вопросов, хотя крутилось их в черепной коробке как мух в уборной, я обежал машину и полез на высокую подножку. Плюхнулся на твердое и неудобное сиденье с прямой спинкой, огляделся. Более чем спартанский интерьер с простенькими приборами на крашенной серым металлической приборной панели, здоровенный черный эбонитовый, или из чего их там делали, руль. Я такие сам с детства помню.

— К людям так к людям, — сказал шофер, подвешивая пистолет-пулемет к потолку, где у него специальное крепление было, причем явно не самодельное: машина и впрямь выглядела как военная. — Мне тоже как раз к этим самым людям и надо. Полное у нас с тобой единодушие наблюдается. Меня Федором зовут, кстати. Можно Федей звать. Можно Федькой. Даже Теодором можно, если охота.

— Владимир. Володя, — представился и я, пожав протянутую мне перемазанную машинным маслом руку.

— Рассказывай, Володя, как ты к нам попал, — заявил Федя, с лязгом врубая первую передачу длинным изогнутым рычагом с шарообразным набалдашником. — Развлеки рассказом, а то уже три часа один еду.

— К вам — это куда? — осторожно переспросил я.

— Да вот сюда, в лес этот, — ткнул он пальцем за окно. — Да ты не щемись, за психа тебя никто не примет, тут все такие, как ты. Или у всех такой же попадос, как и у тебя, случился, или мы все бредим хором. У меня вот три года назад с лихвой на работе в подсобке свет погас, а как вышел из нее — так оказался в развалинах каких-то, которые впервые в жизни увидел. А ты?

— Генератор во дворе полез чинить, ветер дверь захлопнул в сарай, — коротко обрисовал я положение, поняв, что лучше выкладывать все как было.

— Генератор? — не удивился, но чуть насторожился он.

— Ну да, а что?

— Его сюда тоже занесло? — вкрадчиво уточнил он.

— Ну... ага. Мы с ним на пару, так сказать.

— Повезло тебе, — решительно сказал шофер и вроде как даже задумался слегка. — Скатайся потом, забери. Их в городе ценят, берут дорого, заработаешь хорошо. Хотя властям

продашь, хоть на базаре — без разницы. Если хочешь, сгоняем вместе, у меня вот машина своя. Ну и поделишься немного прибылями.

Он похлопал ладонью по баранке рулевого колеса.

— Там еще есть что, кроме генератора? — затем опять поинтересовался он.

— Не-а, в сарайчике только он стоял, — обломал я его в надеждах.

— Жаль, — вздохнул он. — Но тоже нормально. Ты досюда долго шел?

— Километров пятнадцать, — ответил я, прикинув.

— Вообще без проблем, за пару часов обернемся, — заключил он. — У нас ведь как — что с тобой провалилось, то твое безраздельно. Святая традиция. Я вот со шкафом провалился. А в нем была старая бухгалтерская отчетность предприятия. Прикинь, какая ценность. Только на растопку.

Я кивнул сочувственно и задал наиболее, на мой взгляд, важный вопрос:

— Федя, а где я?

— Под Углегорском, — ответил он, ухмыльнувшись как-то ехидно.

— Это в какой области?

— В Углегорской, — еще шире и еще более издевательски осклабился он.

— Гонишь? — спокойно поинтересовался я.

— Сейчас указатель будет, на въезде в город. Читать умеешь? Вот и читай.

Я ему поверил. Больно он радостный был — так бывает, когда кто-то правду знает, а кто-то дурак дураком, вроде меня сейчас. И собеседник заранее предвкушает, как ты «отправишься за ведром компрессии».

— Федь, скажи по-человечески, — попросил я, решив не выставлять себя дураком дальше.

— Если по-человечески, то не знаю, — вздохнул он. — Думаю, что никто толком не знает. Может, и на том свете даже, вполне допускаю. Мы это место Отстойником называем.

— Это почему? — опешил я.

— Ну так в двух словах и не опишешь. В общем, где еще может быть земля без людей? А тут ни единой живой души. В смысле из проживающих здесь всегда — только такие, как мы с тобой, провалившиеся.

— Не понял... а город откуда? — спросил я.

— А хрен его маму знает, — ответил Федя, вздохнув. — Тут все на месте — города, деревни, заводы, что угодно. А вот людей нет.

— Я ворон видел.

— Зверье есть. Даже медведей хватает с волками. И еще кое-кто есть. А людей нет, — ответил он.

— А куда они делись? — вконец озадачился я. — Вымерли?

— Вымерли бы — хоть кости бы остались. Нет — и все. Словно съехали неожиданно, все побросав где было. Причем давно. Ты из какого года сюда? Из двухтысячного попал?

— Ну да... — окончательно растерялся я. — А ты?

— А мы все из двухтысячного. Кто сегодня попал, кто вчера, кто десять лет назад — а все из двухтысячного. Впрочем, кого-то, кто попал раньше, чем за десять лет, я не встречал. Видать, недавно Отстойник открылся для посещения.

— Погодь, погодь, — прервал я поток непонятого гонева. — А вас тут много?

— Ну... в Углегорске тысяч уже семнадцать — восемнадцать, наверное. И в других городах живут. В окрестностях. На область тысяч пятьдесят наберется, я думаю.

— И все из двухтысячного? — уточнил я.

— Точно, — кивнул он. — Только дни разные. В какой день ты сюда попал, в такой и оттуда провалился. Сегодня двенадцатое октября там было?

Он ткнул перемазанным в масле указательным пальцем в потолок машины, словно подразумевая, что я свалился сюда с небес.

— Двенадцатое, — осторожно подтвердил я. — Октября.

— А я сюда три года назад попал, четырнадцатого ноября. Двухтысячного.

— Не наступило же еще... — растерялся я.

— Это у тебя не наступило, — опять ухмыльнулся он. — А у меня еще как наступило, три года назад.

— Погоди, погоди, — попробовал я зайти с другой стороны. — Ты что, хочешь сказать, что в двухтысячном в стране тысячи людей пропали? Десятки тысяч? И никто не чухнулся?

— Не, не так, — покачал он головой. — Все было не так.

— А как?

— Пропадает людей немного. А вот вариантов действительности, из которых они пропадают, бесконечное количество.

— И...

— И все они, кто провалился в двухтысячном, сыплются сюда. Как в помойку. Он так и говорит, что мы в помойке времен и миров. Поэтому и Отстойником назвали вроде как.

— А тут же жил кто-то? Они-то где? — чуть не закричал я, чувствуя, как извилины начали заплетаться веночком вокруг мозга.

— А вот этого не понял никто, — сказал он. — Тут по календарям, машинам, станкам и прочему — сорок восьмой год. Одна тыща девятьсот сорок восьмой. А если смотреть по тому, насколько все это состарилось, то получается, как понимающие люди говорят, что оно все без присмотра было лет пять-семь, не больше. А то и меньше.

— Понятно, — кивнул я и добавил: — Хотя ни фиги не понятно.

— Мне оно тоже так, — проявил солидарность Федя. — Хоть я уже три года здесь. Почти: четырнадцатого ноября как раз три будет.

Федя замолчал, а я задумался так, что дальше некуда. Нет, с теорией множественности миров у меня проблем нет, я в любую теорию поверю, если она получит зрительное подтверждение — вроде как то, что сейчас получила. Вот как я в одном месте в сарай вошел, а в другом из него выбрался. Видел я такое раньше? Нет. А сейчас? Сейчас увидел. И даже поучаствовал, — чего же теперь не верить?

Правда, пока особой разницы с моим миром я не вижу: Федя ведь и гнать пургу может, развлекаться, импровизируя на ходу. Принял меня за бродячего психа, везет до психушки, а попутно прикалывается. Почему нет? Или просто за дурака принял: у меня морда так себе, вроде бандитской, что сразу за академика примут — никак не грозит. Хотя сейчас можно: сам открой академию — сам в ней и будь академиком. Без проблем, теперь таких много. Был завхозом на метизном заводе, уволили — стал академиком.

Хотя... кто на таких старых машинах просто так катается? Им место в музее, где с последнего экземпляра зрители пылинки сдувать будут. И вот оружие, автомат этот, который пистолет-пулемет и который над головой висит. Я его сначала за ППШ принял, потом за ППС, да, видать, ошибся. Так вообще похож на ППШ — такой же штампованный дырчатый кожух на стволе, у дульного среза с наклоном, компенсатор это, чтобы не подбрасывало, тут все нормально. А вот деревья и нет почти, если не упоминать странное

небольшое цевье под стволом и рукоятку управления огнем. Вместо деревянного приклада — откидной плечевой упор из гнутого стального прутка — выглядит грубо, но прочно.

И не диск, а рожок, к тому же придвинут близко к рукоятке управления огнем. Сильно придвинут. А рукоятка управления огнем как раз смещена вперед, и стоят рядом друг с другом, совсем как в «калаше». Ствол длиннее получился — это хорошо, пожалуй. Или просто так выглядит.

Да и вообще, о чем это я? Кто в мое время будет с пистолетом-пулеметом открыто кататься и на первых встречных его направлять? Это же срок с ходу.

— Слушай, что это у тебя?

Федя поднял глаза к потолку, опять ухмыльнулся и сказал:

— Если верить тутошним наставлениям, то пистолет-пулемет конструкции Шпагина образца сорок третьего года. А я про такого Шпагина и не слыхал.

— Ты чего? — удивился я. — Шпагин в Великую Отечественную своим автоматом прославился, как не знать можно?

— Видишь? Сие и означает, что мы с тобой из разных слоев. Про Великую Отечественную слышал. Здесь. И вот про Шпагина тоже уже здесь узнал. А у нас такого не было — ни Отечественной, ни Шпагина. Понял как? Англия с Германией воевали — и все.

— О-па...

— Ага, срослось одно с другим... Ничего, привыкнешь. Тут оно как бывает: вроде даже по слоям реальности земляки встретятся, из одного места, а потом раз — и что-то вылезает. И чаще всего получается, что все из разных.

— Во как... Машина трофейная, что ли?

— Ага, «опель-блиц». Слышал про такой?

— Че-то слышал... вроде, — кивнул я.

— Хороший шарабан, мне нравится. Техника трофейная, но так и своя есть, и американская — те вроде как помощь сюда поставляли, много ее. Оружие ихнее попадает еще.

— Слушай, Федь, — решил я еще о важном спросить, — а куда везешь-то меня? Не, я понял, что в Углегорск, а там-то куда?

— В контору по распределению таких, как ты, — ответил он сразу. — Или как мы, потому что других здесь нет — есть только те, кто сюда раньше попал и кто позже. Выяснят, кто ты такой и как сюда попал, с работой помогут, с жильем на первое время. А дальше... дальше начинай жить здесь, как мы все.

Перехватив мой взгляд, он усмехнулся, махнул рукой и добавил:

— Да нормально, жить можно, это тебе не Аляска, где одна баба на сто старателей была, тут все в пропорции.

Я так понял, что Федя высказался о наиболее существенном, на его взгляд. А что, вопрос тоже важный. Но не порадовал. Нет, все понятно, но вот не порадовал.

— Федь, а обратно отсюда — никак? — с робкой надеждой уточнил я.

— Никак, Володя, — твердо ответил он и головой помотал. — Никто отсюда не уходил обратно. Да это еще полбеды, Отстойник этот самый не зря за тот свет полагают. И не за рай. Я что, по-твоему, автомат просто так с собой вожу?

— А... есть причина? Криминал? Хищники?

— Есть криминал, — согласился он. — И хищники тоже попадают. А теперь вон туда глянь.

Он показал рукой на темные, тяжелые тучи, висящие за лесом низко над землей, скорее даже, лежащие на земле и поднимающиеся от нее в невероятную высь. Жутковатое зрелище вообще-то, неприятное и непонятное, если честно. Не зря мне в ту сторону идти не хотелось.

— Буря там, что ли? — прищурился я, вглядываясь.

— Тьма там. Самая настоящая Тьма. В Отстойнике, как опять же знающие люди говорят, встретились Свет и Тьма. Близко. Столкнулись, можно сказать, и перепутались, отчего у нас тут сплошные проблемы, мать их в душу. Вот и живем так...

— Стой, стой, а фонариком ты что проверял? — вспомнил я первый момент нашего знакомства.

— Вот это и проверял. И ты знай: встретил незнакомого человека не в городе или просто не там, где надо, — попроси на яркий свет посмотреть. Хоть бумагу зажги и перед глазами поддержи. Если с ним что-то не так или это вообще не человек, то у него глаза черными станут. Секунд за пять.

— В смысле — черными? — не понял я.

— В смысле — вообще черными, — решительно махнул рукой Федор. — Ни зрачка, ни радужки, ни белков, сплошная чернота. Или даже белок черный окажется, а радужка со зрачком белесая, как негатив. И зрачок вертикальный. Только того, тут уже осторожней, реакция может быть всякая, в основном...

— Какая?

— Да простая: проشياпил — ты покойник.

Я посмотрел на него с подозрением, прикидывая, насколько он серьезен, но ни к какому конкретному выводу не пришел. Было желание послать его куда подальше с такими шуточками, да только с фонарика он и начал общение. Почему так? Есть ведь причина, наверное? А может, это он псих, а вовсе не я? Тогда все логично получается. Все кругом психи, а я... Д'Артаньян, например. Чем не вариант? Мне нравится.

В любом случае здесь все же что-то не так. Неправильно здесь, взять тучи те же самые. Никогда я не видел, а повидал всякого много, чтобы вот такие были, почти черные. И вообще, смотреть на них как-то... зябко. Нехорошо на них смотреть, — а это тоже странно, потому как я совсем не мнительный, а вовсе даже толстокожий и малоэмоциональный чурбан.

Я так задумался, что, когда машина подскочила на очередной глубокой колдобине, какими был богат этот грязный проселок, даже приложился затылком о заднюю стенку кабины, на что водитель сказал:

— Не погни.

— Раньше машины были крепкие, — ответил я.

— Голову не погни — за машины я знаю.

Я постучал по металлической простенькой панели с овальным лючком бардачка и спросил:

— Так это «опель», говоришь? Твоя или работаешь на ней?

— Моя, — гордо кивнул он. — Когда взял, пробега на ней мало было. И вообще, почти без проблем машина.

— Дорого обошлась? — поинтересовался я, но так — лишь бы хоть что-нибудь спросить.

— Почти что в собственную башку, — засмеялся он. — Купить машину у нас трудно, то есть вообще не продают. Надо самому добывать.

— В смысле? — не понял я.

— В простом, — взялся он объяснять. — Машин целых не так много осталось, времени-то прошло немало... ну местного времени в смысле, с того как тут... — Он защелкал пальцами, подыскивая слово, и я ему помог:

— Я понял.

— Ага, ну вот. Да и вообще, не так их тут много было — я так понимаю, что тут больше на лошадах катались. Ну и лишних вообще нет: если она целая, то могут просто на запчасти разобрать, а их на складе сложить. Так и делают в основном — чем потом-то чиниться? Если литье какое несложное или слесарка — сами сделают, а что посложнее — уже трудно. Поэтому начальство давится жабой и машины никому не дает. Нужна — найди сам.

— И ты сам добывал? — уточнил я.

— Ага. Нашел хорошее место, где они вроде как на консервации стоят, договорился на тягач да и вывез. Две вывез в общей сложности — одну городу отдал, они за целые платят хорошо, вторую себе оставил.

— А с башкой чего?

— Да вывез из одного места, а это на границе Тьмы, считай. Там всякое случается, да и светлого времени мало. Когда вторую тащил, чуть не накрылся. Но вот теперь катаюсь.

Он гордо похлопал по баранке, добавив:

— Везде лезет, везде тащит. Зверь-машина.

— Ты сам по себе работаешь? — задал я следующий вопрос.

— Не, я на должности в Горсвете, просто сутки через трое хожу — остается время еще и для себя подшуршать мальчика. Так, за чуток, на пиво и бензин. Сейчас вот с халтуры еду.

— А что делал?

— В Митино катался, лампочки выкручивал и провода снимал. Лучше бы еще за машиной стогнал, но это напарник нужен, а его нет. А так электрика всякая в дефиците, чуть не на вес золота. Производство не наладили, хоть и мечтают. Не хватает чего-то. У нас только бензин с соляркой тут производят.

Бензин, кстати, пахивал как-то странно, я еще в первый момент обратил внимание, когда машина близко подъехала, но значения не придавал — не до того было. А теперь заинтересовался, раз уж Федор сам тему поднял.

— А с бензином как?

— Дороговато, но есть, — ответил Федор.

— Откуда? Из запасов?

— Ты че? — удивился он. — Какие, в дупу, запасы? Запасы все давно закончились. Из угля гонят, по немецкой технологии. Ну и масла всякие, они тоже нужны.

— И как?

Про немецкий синтетический бензин я слыхал и читал — немцы в войну вроде не жаловались на него. Разве что дороговат он выходил, если мне память не изменяет. Но может и изменять, не уверен.

— Да нормально, видишь — бегают. — Он в очередной раз постучал по рулю, как делал каждый раз, когда заговаривал про свой «опель». — Моя «минерва», что в той жизни осталась, от такого бы масла с бензином загнулась, а «опелек» этот жрет и радуется.

— Че за «минерва»? — удивился я.

— Внедорожник японский. У вас таких не было? — даже не удивился он.

— Не было.

— Значит, че-то другое было, — заключил он с уклоном в некую философичность.

— Ага, наверняка, — поддержал я его логичный вывод.

Вскоре машина выбралась на старую и здорово разрушенную асфальтовую дорогу, на которой трясти стало даже хуже, да и кузов загромыхал еще громче. Стало шумно, разговор увял.

Первое доказательство того, что Федя не псих и надо мной не издевается, пришло, когда из-за поворота дороги показалось поле, тянущееся к большому городу, а затем мы проехали мимо потрескавшегося бетонного указателя с каким-то барельефом, изображающим шахтеров и металлургов в трудовом порыве, и с надписью под ними: «Углегорск. Город трудового подвига».

Город явно был немаленьким. Если бы у нас такой был, я бы о нем слышал так или иначе. Виднелись трубы заводов, тянулась серой лентой река, теряющаяся между домами. За рекой виднелись холмы, чуть дальше превращающиеся почти что в горы. Если приглядеться, там можно было увидеть какие-то металлические конструкции, экскаваторы, еще что-то. Все тоже с виду заброшенное, но явно указывавшее, что тут есть что добывать.

— Углем город жил? — уточнил я.

— Углем и сталью, тут железа полно. Но мы только уголь добываем.

— А чего так? — удивился я.

— Металлолома выше головы, на веки вечные хватит, — объяснил он. — Но металлургический частично работает. Раньше он тут огромный был, а у нас — так, фурычит помаленьку. Чуть-чуть тот же металлолом плавят, чуть-чуть катают, чуть-чуть льют и чуть-чуть слесарят даже прямо там. Железную дорогу вот строят, до Карьерного уже дотянули, «овечка» ходит. Электростанция есть, — правда, она только на завод работает и еще на пару мест.

Поймал себя на ощущении, что смотрю телевизор. Репортаж с мест, о проблемах промышленного региона. Осознать тот факт, что я сам сижу в этом репортаже, пока не получалось. Было абсолютное ощущение нереальности всего происходящего вокруг.

Чем ближе к городу, тем все более мрачное впечатление он создавал. Он был заброшен, и это уже бросалось в глаза. Даже пять лет без людей не проходят бесследно для места, где люди должны быть. Это как покинутый дом вдруг начинает разрушаться удивительно быстро. Пока люди живут — ничего с ним не делается, а как покинут — и сразу трещины, запах затхлого, что-то ломается... Странно, но правда.

Да и с того момента, как люди исчезли, прошло уже не пять лет, как я понимаю. Пыль, грязь, бурно разросшиеся кусты, осевшие деревянные дома — окраина, частный сектор. Чуть дальше, ближе к центру, начали попадаться двухэтажные деревянные на каменных цоколях. Я таких давно не видел, а вот с детства их еще помню — настоящие бараки, у нас такие на противоположной стороне улицы были. Даже без водопровода, кажется, — там на углу колонка стояла, возле которой мы обожали играть. А тетки, приходившие из бараков за водой, нас гоняли от нее почему-то.

Колонки и здесь были. Тоже заброшенные, поржавелые, с облезшей синей краской. Из них воду давно не добывали, видеть.

— А что людей не видно? — удивился я.

Действительно, улицы поражали еще и абсолютной безлюдностью. Пусть тут семнадцать тысяч населения всего, но хоть кто-то должен был мелькнуть.

— Люди в центре живут, компактно, — пожал он плечами, словно удивившись наивному вопросу. — Там и дома каменные, и безопасно. И сектор огорожен более-менее.

— А тут что?

— Тут опа-асно, — словно удивившись вопросу, протянул он. — Съесть могут или чего другое. Не так, как возле границы Тьмы, но тоже черт знает что творится.

— А так и не скажешь, — сказал я, глядя в окно. — Просто заброшенное место с виду. Пусто очень, правда.

— Это днем. Ночью куда хуже. Боремся как можем, но город большой. Везде не успеваем. Тут раньше тысяч двести населения было.

— А в центре безопасно, говоришь?

— Если по ночам не гулять.

— А чего тогда по ночам делаете?

— Дома сидим и водку пьем, — усмехнулся он. — Или что другое, если есть с кем. Да увидишь все, поймешь по ходу, есть где людям собраться и под крышей. Нормально живем, как люди, пусть и трудновато. А то начну объяснять — и только запутаюсь. Помаленьку все. Поначалу главное — слушай внимательно, что говорят. И все правила читай. Где они есть, там и читай, они тут не просто так писаны. А там работу найдешь, устроишься, разберешься. Сам таким был поначалу: вопрос на вопросе.

Вытащив из кармана серебристый портсигар с какой-то надписью, в котором обнаружился ряд толстых папирос, он взял одну, смял картонный мундшук в подобие примитивного фильтра и закурил.

— От прежних остались или местные? — спросил я, приоткрывая стекло двери.

— Курево-то? Местное, армяне какие-то гильзы делают и продают, а по реке возят табак с юга. Набиваем уже сами, машинками. Нормально, курить можно. Будешь? — протянул он мне.

— Не, спасибо, не курю я.

Машина пару раз вильнула по проулкам, разминувшись с большим встречным грузовиком, выехала на относительно широкую улицу с вросшими в брусчатку трамвайными путями, загремела покрышками по булыжнику. Затем нам навстречу попала бронемашина с открытым верхом, в которой, судя по торчащим головам, сидело человек пять, и на турелях стояли аж три пулемета.

— Классный «скаут», ленд-лизовский. А мужики в нем — разведбат, — пояснил Федор с уважением. — В рейды хрен знает куда катаются, самая белая кость в городе. Но туда попасть проблемно, хоть оно того и стоит.

— Опасно?

— Естественно, они на самые границы Тьмы ездят, те же меняются постоянно, — ответил Федор, а затем спросил: — А сам по работе что думаешь?

— Ну ты спросил, — усмехнулся я. — Откуда я знаю? Какие тут вообще работы бывают?

— Разные, почти как в нормальном мире. Почти. Ты вот сам как думаешь, что лучше? Спокойно и денег поменьше — или с проблемами, но побольше? Ну и свободы побольше тоже.

— А что предлагаешь? — уточнил я, поняв, что он к чему-то клонит.

— Да пока не предлагаю, но вот если ты в технике шарிшь, то можно на завод пойти. Или в мастерские куда. Но если не специалист, то хорошего оклада не будет — ученик, считай. Работа каждый день, охрана, безопасность, все такое. Ты не военный? — вдруг спросил он.

— Нет, только срочку служил.

— Ага, да и служба дело такое — на нее сразу не берут. Я сам в разведроту пытался, так даже слушать не стали. А у нас вот сутки отпахал, потом трое гуляй. На все времени хватает. И платят как мастеру на заводе. Ну чуток меньше.

— А минусы?

— Без башки остаться можно — это главный минус. Недостаток, можно сказать.

— С высокой вероятностью?

Он помялся, скорее сам задумался, затем сказал:

— Если сразу не накрылся, то потом долго проживешь. Я уже два с половиной года фонарщиком — и живой, как видишь. Если без ума куда не надо не лезть, действовать по инструкции, то жить будешь. Опять же патронов нам не жалеют, с оружием нормально. По местным реалиям мне нравится. Ну и уважение, и все такое.

— И повеселее, наверное? — спросил я, прикинув, к чему клонит Федор.

Я задумался. Не то чтобы сразу на все согласен, но Федор мне кажется парнем нормальным. А заодно он мой единственный знакомый в этих краях — все какая-то подмога. Да и сам я такой: мне лучше с риском, например, но чтобы и денег побольше, и с тоски не помирать. Хотя тут помереть скорее не с тоски можно, а как раз наоборот.

— А чего за работа-то, вообще?

— Заброшенные дома освещать как можно чаще, — взялся мой спутник за объяснения. — А то в тени всякое завестись может: если долго не проверять, увидишь — сдуреешь. Ну и мы ездим по графику бригадой светим. Или если пробой где случается, ликвидируем.

— Что за пробой?

— Ну... ну вот подвал какой-нибудь, о котором никто не знает. — Федя изобразил при этом злое лицо. — И там темно с начала времен. И если там какие-то причины сложатся, то в подвале такое заводится, что не знаешь, как спастись. А то и просто канал во Тьму оттуда получается, как туннель. Вот мы и прикрываем район. Воюем тогда уже всерьез.

— Погодь, а ночью, когда везде тьма?

— Ночью — тень, — поправил он меня. — Или темнота, если хочешь. И время Тьмы. Тьма приходит через тень.

— А в чем разница?

Он чуть растерялся, затем сказал:

— Если коротко, то тень — это отсутствие света. А Тьма — это противоположность Свету. Свет светит, а Тьма... «темнит», например. Увидишь когда-нибудь, я не умею толком объяснить.

— Ага... — сказал я, кивнув, просто потому что не видел смысла пытаться его дальше. — Слушай, а почему нельзя дома пустые взорвать, например?

— Смеешься? — удивился он вопросу.

— А че?

— Как это — че? — засмеялся он. — Если их взрывать, то только так, чтобы даже подвал открытым остался, а это уже никакого толка не напасешься. Если просто дом завалить, то добьешься только того, что в подвале вечная тень заведется. И Тьма придет. А ты хрен чего сделать сможешь, потому как все завалено и это место не просветишь. Сам себе навредишь. Так, разбираем старый жилфонд помаленьку, но это надолго.

Во как... и верно. Ступил я чего-то. Ну мне простительно, я вообще пока не уверен, что все вокруг — реальность. Может быть, меня там током дернуло и я в коме где-нибудь в

больнице? Как знать, как знать... Иначе придется смириться с мыслью, что угодил в фильм ужасов. А она сейчас милицию вызывает: куда пропал мужик вместе с сараем... Ой, ой, ой... об этом и подумать-то страшно. Как бы с ней чего не случилось от такого явления.

— Ты чего? — скосил на меня глаза Федор.

— А что?

— Да как-то ты в лице переменялся.

— Да прикинул, что там сейчас дома...

— Жена, дети?

— Почти жена. Вторая. Дите взрослое уже и с первой женой живет. В разводе мы.

— Это у тебя. А тут и детных отцов-мамаш хватает — прикинь, каково им было. Но справляются как-то, куды денешься. Вон граница жилого сектора впереди.

Жилой сектор заметно отделялся от нежилого. Хотя бы тем, что включал в себя, как я понимаю, все каменные дома Углегорска, а также тем, что вокруг него была самая настоящая полоса отчуждения. Не поленились, снесли дома до земли метров на сто от серьезного забора из колючей проволоки, напоминающего скорее ограждение перед окопами у Вердена. Не жалели здесь колючки, мотали плотно.

— Откуда столько проволоки? — не выдержав, спросил я.

— Здесь и делают, металлисты. Чуть не основная продукция.

Проволочный забор прерывался настоящей крепостью. Вполне серьезный дот с бойницами для пулеметов на уровне второго этажа, с площадкой для караульных на крыше. По краю прожектора, снизу ворота стальные. Дальше, за ограждением, стоит небольшой танк или бронемашина со спаренными ДШК в башне. Последний довод, наверное.

Грузовик неспешно заехал в отстойник КПП, ворота сзади закрылись, а спереди пока открываться не спешили. Из дота вышел офицер в форме и фуражке, с таким же ППП на плече, как у Федора. Я обратил внимание на форму — все вроде похоже на нашу старую, но с отличиями. И бриджи не такие широкие, и гимнастерка до самого низу расстегивается, и лейтенантские погоны мягкие, тряпочные, откидные на пуговице, и воротничок отложной, без петлиц. И солдаты не в пилотках, как у нас принято, а в таких, как у Федора, небольших кепочках-фураньках с обшитыми тканью козырьками.

Офицер подтащил от стены небольшой фонарь на витом шнуре, затем махнул нам рукой, скомандовав:

— Из машины. Досмотр.

Судя по спокойной реакции Федора, процедура была рутинной. Да и логичной, если по рассказам судить, так что трепыхаться не стал, а послушно выбрался из машины. Офицер посветил каждому фонариком в глаза, заставив морщиться, затем проверил у Федора документы, а когда обернулся ко мне, шофер сказал:

— А это попаданец очередной. Провалился часа три назад.

— Да? — спокойно, даже не удивившись, переспросил офицер. — Тогда поздравляю с попадаловом. Откуда родом?

— Из Москвы.

— Земляки, — кивнул он. — Хоть и не уверен. Москвы бывают разными, и их бесконечно много. В курсе уже?

— Ага.

— Ну и хорошо. Проходите на блок, отправим вас на распределение.

Я оглянулся на Федора, почувствовав, что словно теряю спасательный круг в этом

сюрреалистическом месте, но тот, забираясь в машину, сказал:

— Мальцев моё фамилие называется. Просись в Горсвет — тогда в одну общагу устроят. С тебя поляна в честь заезда — сразу как подъемные получишь.

— Давай езжай, — махнул ему лейтенант.

Федор помахал рукой, тронул с места свой чадящий агрегат и провел его в раздвинувшиеся ворота. А я, сопровождаемый молодым крепким солдатом в накинутаой поверх формы плащ-палатке, вошел в низкую дверь в бетонной стене дота, оказавшись в небольшой комнатке. У стены стояла длинная лавка, больше ничего не было. На нее я и сел.

— Сейчас поедем, — пояснил боец, останавливаясь в дверях. — Сержант только машину подгонит.

— А что, далеко отсюда?

— Нет, но чего ноги топтать?

— Тоже верно.

Среднего роста, белобрысый, лет двадцать пять. Форма как и у лейтенанта, вроде все привычно, но тоже с отличиями. Я обратил внимание на его карабин, небрежно висевший на плече стволом вниз. Сначала мне показалось, что это обычный СКС, только с пламегасителем. Затем на минуту почудилось, что это американский карабин М1 военной поры, какой я на картинках видел многократно. А потом, уже всмотревшись внимательно, я понял, что это все же наш СКС, но с отъемным магазином. Да и вообще непривычный какой-то, без откидного штыка. Штык у бойца на ремне в ножнах висел.

— Это что за ствол у тебя, если не секрет? — спросил я, не удержавшись.

— Самозарядный карабин Симонова образца сорок пятого года, калибра шесть с половиной миллиметров, — ответил тот, а затем спросил у меня сам: — У вас такие были?

— Похожие, но не совсем такие, — сказал я, всматриваясь.

Магазин что-то очень прямой, необычно. Да и емкость непонятная у него, если по размеру судить. А СКС у меня самого дома есть, охотничий, так что я в курсе, что к чему.

— Сколько патронов?

— Двадцать. С американского карабина, как говорят, взяли компоновку, — пояснил солдат. — Американские здесь попадают, они тоже на двадцать. Правда, наш мощнее намного и на холоде надежней.

— А что за патрон шесть с половиной?

— А черт его знает, — пожал плечами боец. — Я не в курсе. Тут шесть с половиной основным калибром — что у карабина, что у пулемета ручного. Шесть и пять на сорок четыре. Да на вот, глянь...

Он вытащил из подсумка один магазин, выщелкнул верхний патрон и кинул его мне.

Ага, гильза чуть менее под конус, чем наша калашовская, и подлиннее. Пуля тоже заметно остроконечней, чем привычная семерка, и потощей будет. Откуда калибр такой? Если бы про нас разговор, то сказал бы, что от японской «арисаки» пошел, только укоротили гильзу... а может, так и было? Как тут история развивалась, черт ее знает. У нас в Первую мировую и «арисаками» пользовались, и под патрон для нее Федоров автомат изобрел. Первый в истории. Почему нет? С него и пошло. Был тут Федоров, кстати, или нет?

— А чего пламегаситель такой странный? — спросил я, кинув патрон ему обратно.

— Чтобы гранатами стрелять, — ответил боец и опять полез в подсумок: — Вот гляди, на пять холостых патронов магазин, боевой в него не всунешь.

Действительно, в руке у него появился короткий магазин с наглухо сходящимися впереди

губками, патрон с пулей в него не втолкнешь — не влезет, только холостой с замятым дульцем.

— А вот граната, — добавил собеседник и вытащил из длинного брезентового подсумка нечто вроде маленькой минометной мины с длинным тонким хвостом. — Насадил на ствол, газоотвод перекрыл, холостые вставил — и бах! Знаком с такими?

— Нет, у нас не было, — покачал я головой.

— Из разных мы с тобой мест, — заключил он. — У нас были. Хорошая штука, можно метров за двести стрелять.

— У нас подствольные гранатометы.

Он ничего не ответил, лишь пожал плечами. Подозреваю, что попытки определить, кто откуда, тут вроде как стандартная процедура знакомства.

В комнатку заглянул младший сержант, рыжий и усатый, сказал:

— Давай, попаданец, отвезем тебя куда полагается.

На улице прямо возле дота стояла знакомая по фильмам полуторка — маленький неуклюжий грузовичок, у которого на деревянном борту кузова большими белыми буквами было написано «Комендатура».

— Давайте оба в кузов, — сказал сержант, забираясь за руль машины.

Карабкаться было невысоко, да и задний борт был откинут. У борта переднего имелась лавка, на которой мы вдвоем с бойцом и уселись.

— Давно ты здесь? — спросил я его.

— Года два, — ответил он и, что-то прикинув, добавил: — Чуть больше: два и месяц.

— И как?

— Да нормально, могло быть и хуже, — пожал он плечами. — Живем — хлеб жуем. Пока цел, служба идет. Да не волнуйся, все пучком будет, все равно отсюда никуда не денешься.

Фыркнув мотором и душераздирающе проскрежетав коробкой, полуторка дернула с места чуть не прыжком, так что я с лавки едва не свалился, но дальше покатила неторопливо, не набирая, судя по всему, и сорока километров в час. В лицо опять сыпануло мелким дождем, я поплотней завернулся в дождевик, чувствуя, как промозглая сырость забирается и под него, и под толстый свитер.

Потянулась прямая грязноватая улица с высокими тополями по бокам, прикрывающими обшарпанные стены домов с осыпающейся штукатуркой, крашенной в желтоватый цвет. Тянулись дома жилые, какие-то учреждения, школа с барельефами в виде глобусов, планеров и пионерских галстуков по фасаду, какой-то сквер с памятником не пойми кому. Появились пешеходы, одетые все больше или в допотопную военную форму, или в какую-то ее комбинацию с гражданской одеждой. Впрочем, была одежда и просто гражданская, выглядящая вполне привычно.

— Слушай, а чего столько народу по форме-то, а? — спросил я.

— А что тут еще носить? — удивился он вопросу. — В магазинах здесь по одежде голяк, а если где и есть что, то такого вида, что смотреть страшно, разве что под машиной валяться. А на складах таких галифе с гимнастерками на целую ударную армию хватит. Или две. Вот и выдают. Ну еще тетקי свитера вяжут, продают на базаре, а остальное все такое вот... Куртки кожаные кто-то наладился делать, где-то шить начали, но пока мало и дорого. Дорого в основном.

Он покачал носком кирзового сапога, выставив его вперед. Кирзачи были виду самого

привычного, знакомого с юности, так сказать.

— А тут правда война только закончилась?

— Да вроде как, — кивнул боец. — Но тут ее не было — фронт не дошел, как я понял. Верст двести сюда не дошел. Зато складов военных здесь до черта: вроде как поближе к фронту везли. Или с фронта.

— У вас... ну откуда ты сам... война была?

— Ага, еще какая, — кивнул он. — В сорок шестом закончилась. Перемирием.

— А началась?

— В сороковом.

Я присвистнул мысленно. У нас все же на два года меньше тянулась. Интересно, что там у них творилось, в реальности, откуда провалился в эти мрачные места мой конвойный? Но спрашивать не стал.

Чем ближе к самому центру, тем людней было на улицах. Были вооруженные люди, а были и безоружные на первый взгляд. Я даже не выдержал и уточнил:

— А днем тут безопасно, точно?

— Ага, Горсвет тут все просвечивает — не успевают заводиться... всякие. А через периметр мы не пускаем. Вот с закатом уже стремно на улицу соваться. Если ты не дома, то лучше сиди где сидел или в гости к кому иди.

— А на машине?

— Смотря на какой, — усмехнулся он. — Если на танке, то без проблем. Ну и не на танке можно, но надо уже оглядываться.

— А есть танки?

— Есть, куда они денутся. Только запчастей и горючки на них не напасешься, так что если что и пользуем, так только легкие. А так всяких хватает. Правда, их еще и завести проблема обычно: стоят-то уже сколько лет.

— А у дота что стояло такое, ну с двумя пулеметами? — поинтересовался я.

— Т-90, легкий, зенитный вроде как, с двумя «дашками». Серьезный агрегат — как сыпанет, так и в клочья.

— Кого в клочья? — уточнил я, восхищенный метафорой.

— Да по фиг кого, — отмахнулся небрежно боец. — Кого хочешь.

— Понятно, — кивнул я с уважением.

Полуторка объехала по кругу площадь с заросшим сквером посредине, которая называлась, как и следовало ожидать, площадью Ленина и которую здесь звали, со слов бойца, площадью Крупского, или просто Крупой, ну и памятник, стоявший посреди сквера, оказался как раз ему и посвящен. Лысый вождь стоял чуть наперекосяк, призывно вытянув руку и указывая ею на сгоревший верхний этаж здания напротив, словно намекая на беспорядок.

— А че там горело? — любопытствовал я.

— Да фонарщики какой-то шкаф на чердаке прошляпили, оттуда и вылезло, — объяснил боец. — А в здании только ночной дежурный был, так, чтобы отбиться, бумаги в шкафах поджег. «Да будет свет!» вроде как сделал. Этаж и сгорел. А сам не в курсе, что гадам этим свет, если уже полезли, — по барабану совершенно.

— И чего с дежурным?

— В окно сиганул, упал в кусты, только ноги поломал. А тут и фонарщики подъехали.

Полуторка остановилась у обшарпанного крыльца, пофырвав двигателем. Боец совсем

не изъявил желания вылезти, выбрался только сержант из-за руля, призывно махнувший мне рукой и сказавший:

— Слезай, приехали. Щас тебя посчитают и к делу определяют.

Под конвоем сержанта и словоохотливого солдата я поднялся по крыльцу и оказался перед дверью, справа от которой на стене висела табличка, гласившая: «Администрация Углегорска. Районный отдел приема поселенцев (РОПП)». Дверь, крашенная бурой половой краской, отворилась со скрипом на тугой пружине. Мы вошли в полутемный маленький вестибюль, где вдоль стены вытянулся ряд кресел с откидными сиденьями из потрескавшегося дерматина, вроде как в кинотеатрах раньше бывали, а напротив кресел, за стойкой, отгороженной решеткой, сидел сержант с красной повязкой «Дежурный по отделу» на рукаве.

— Здорово, ропперы! — громогласно, вызвав гулкое эхо, поздоровался рыжий. — Митя, поселенца привезли, оформляй.

И с этими словами рыжий протянул в окошко какую-то бумажку.

— Это хорошо, — кивнул дежурный, делая в бумаге какую-то пометку и возвращая ее обратно. — Больше народу — крепче стоим. А то что-то в последнее время мало провалилось, мы уже опасаться начинаем. Как зовут?

Это он уже ко мне обратился, заодно подтягивая большую амбарную книгу и открывая ее на заложенной странице.

— Бирюков Владимир Васильевич, — представился я.

Сержант сначала посветил мне в глаза, затем тщательно, каллиграфическим почерком записал в книгу мои данные, не забыв спросить даже домашний адрес, затем сказал:

— По коридору направо, кабинет номер два. Бочаров Сергей Геннадьевич вас примет, теперь все вопросы к нему.

Рыжий пожелал мне удачи, попрощался с дежурным, уткнувшись в какую-то книжку, и вышел на улицу. А я направился куда велели — в темный коридор, в конце которого в кронштейне торчала керосиновая лампа, дававшая тусклый и мерцающий свет. Двери выходили в обе стороны, так что окон в коридоре не было, свет с улицы не попадал. Номера на дверях прочитывать было почти невозможно, приходилось чуть не носом упираться в них и еще на цыпочки приподниматься. Кабинетом номер два оказалась вторая дверь по счету. Я постучал, дождался ответа «войдите» и соответственно вошел.

— Добрый день, — с ходу поприветствовал меня средних лет невзрачный и лысоватый дядек в большой не по росту, опускавшейся почти до колен полушерстяной гимнастерке без погон, но с портупеей через плечо.

— И вам добрый, — кивнул я, оглядываясь.

Стол под выцветшим зеленым сукном, простой и потертый. Карандаши. Чернильница. Бумага. Все как из кино — полное ощущение нереальности.

— Чего озираешься? — буркнул мужик. — Компьютеры ищешь?

— Ну... типа того, — кивнул я. — А то странно как-то, типа в театре. Или музее.

— Ага, а я тут экспонат, — кивнул он. — Нет тут ни хрена — ни компьютеров, ни телевизоров. Даже ручек нет шариковых: чернилами пишем, из непроливаек. И суем в них стальные перья, и ставим на бумаге кляксы. Бумага, кстати, дерьмо дерьмом, пером из нее аж щепки цепаются.

Мужик вздохнул, бессмысленно передвинул чернильный прибор, изображавший рабочего с молотом и колхозницу со снопом спелой ржи, кривовато отлитых в бронзе, затем

спросил, попутно указывая на стул напротив:

— Садись, рассказывай, как сюда попал.

— Как все, наверное, — пожал я плечами.

— Точно, — кивнул тот. — Темнота, очнулся — гипс.

— Гипса не было.

— Да знаю, — поморщился он. — Понял хоть, где очутился?

— Ну... просветили немного добрые люди.

— Сюда как попал?

— Да парень один подвез, — неопределенно махнул я рукой куда-то в сторону окна. —

В Горсвете работает, как рассказал.

— Это кто там? — слегка заинтересовался Бочаров. — Я вроде всех оттуда знаю.

— Да Федором зовут, но говорит, что даже на Теодора согласен. Мальцев фамилия.

Бочаров вздохнул, затем сказал:

— Знаю я сего Теодора. Лоботряс. Но парень смелый, не скажешь ничего. Ладно, к делу давай.

— Давайте, — согласился я. — А то я пока вообще не знаю, что мне дальше делать, как жить и куда. Кстати, а обратно отсюда точно никак?

— Точно, — кивнул он. — Было бы «как» — ты бы здесь ни души не встретил. Хотя... — Тут он замаялся. — Хотя всяко бывает. Кто-то и прижился уже, обратно так и не захочет. Иные в авторитет вошли, а дома никем были. Ладно, давай с главного: голодный?

— Ну... есть малехо, — проявил я честность. — Но терпимо, можно и подождать.

— Тогда терпи, с остальным закончим.

Бочаров встал, одернув гимнастерку, которой это совершенно не помогло: складки собирались под широким кожаным ремнем самыми причудливыми сочетаниями, задирая полы и образуя что-то вроде балетной пачки. Подойдя к старинного вида сейфу, открыл его, вытащил оттуда бумажный конверт. Вроде как подумав, передал его мне:

— Тут талоны на питание. Тридцать дней три раза в день. В центральной столовой — это вон там, за углом, — указал он направление рукой и уселся обратно на свой скрипнувший стул. — С голоду уже не помрешь. А в остальном как дальше жить планируешь?

— Да я и не знаю ничего толком, — удивился я вопросу. — А какие есть варианты?

— Ну можешь просто идти сам себе дело искать, частника мы не зажимаем, — сказал собеседник. — А можешь на работу устроиться, что и рекомендую, собственно говоря. Зарплата, общага, там осмотришься.

— Ну... чего я сам шариться буду? На работу надо. Если место дадут, куда свои кости бросить.

— Дадут, дадут, — вздохнул он. — Вот смотри, список вакансий, куда народ на сегодня требуется.

Он открыл большую картонную папку, лежащую перед ним, и подвинул ее мне. Я увидел отпечатанный на машинке лист позиций из двадцати. Пробежал по нему глазами, отметил «Комендантскую роту» и «Горсвет», затем на Бочарова взглянул:

— А правда, что в Горсвете работа суточная?

— У фонарщиков выездных, — ответил Бочаров. — Это которые в поле работают. А что, Федька агитировал?

— Ну... да, он, — подтвердил я. — Все равно ни черта не знаю, а там, говорит, и платят неплохо, и время свободное есть.

— А насчет профессионального риска предупредил? — уточнил собеседник.

— Вроде как, — пожал я плечами. — Только я пока не верю еще ни во что. Точнее, верю, но ни хрена не понимаю.

— В Горсвете поймешь, — усмехнулся тот. — Отговаривать не буду: если тебе лихость природная жить не дает — там тебе самое место. Да и люди там во как нужны, народу страсть за месяц у них накрылось.

Это он добавил с неким оттенком злорадства в мой адрес: мол, надо было раньше думать, прежде чем проситься. Не могу сказать, что пропустил мимо ушей, но заднего хода давать не стал, неудобно уже переобуваться. Да и вообще...

Он вырвал из другой папки какой-то разлинованный бланк, в котором начал что-то быстро писать, постоянно макая простенькую ученическую ручку с пером в чернильницу и немилосердно пачкая бумагу кляксами, да еще и тихо матерясь при этом. Покончив с писаниной, он помахал листочком, чтобы просушить чернила, затем протянул его мне:

— С этим в Горсвет пойдешь, в отдел кадров. Там тебя в штат зачислят, аванс выплатят. Это вот так, по улице, пока зеленый забор с воротами не увидишь справа, а за ним — желтый дом трехэтажный. — Он ткнул пальцем куда-то в стенку. — Это Советская, тридцать два, бывшее здание почтамта. Сегодня у нас... — он заглянул в календарь, — четверг у нас сегодня. В понедельник в девять утра жду здесь, на лекции для новичков. Это обязательно: с работы отпустят, даже если на дежурстве. Понял?

— Понял.

— Тогда шагай прямо туда, а то до конца рабочего дня всего полтора часа осталось. Не успеешь что-нибудь получить — тоже понедельника ждать придется.

— Ага, спасибо.

— Не за что. Поаккуратней здесь, в темноту не лезь.

— Вообще?

Он чуть удивленно глянул на меня, подняв мохнатые брови, затем спросил:

— На этот счет тебя так никто и не просветил?

— Нет, — чуть растерялся я.

— Тьфу, блин, — досадливо поморщился он. — Тут правило такое: не знаешь места — сперва туда посвети. Если больше суток где-то темнота была, там уже что-то завестись может. Но полная темнота, когда ни лучика света туда. Видал?

Он указал пальцем на шкаф с папками для бумаг. Я обратил внимание, что дверцы в нем просверлены во многих местах — грубо, дрелью.

— Вот так надо, где можно, — добавил он. — Чтобы как можно меньше мест для тени оставалось, понял? Пусть хоть лучик, и уже все в порядке. Если увидел вроде как траву, но такую черную и легкую как пепел — осторожно, это уже прорасти Тьма туда начала.

— И чего делать? — чуть опешил я.

— Свет нужен. Любой, керосинки хватит. Ладно, по остальному тебя в общежитии просветят, а главное я сказал — во тьму ни ногой. Понял?

— Понял.

— Иди давай.

На этом разговор наш и закончился. Я прошел через пустынный вестибюль мимо кивнувшего мне дежурного сержанта за решеткой — и оказался на улице. Встал на крыльце, огляделся.

Дождь вроде как усилился, стало еще ветреней, но сам я немного если не успокоился, то

ощутил себя стоящим ногами на земле. Люди все же вокруг, уже легче чуть-чуть. Но все равно... Помотал головой, пытаюсь отогнать назойливый бред, но ничего не вышло. Бред, или не бред, продолжался и развеиваться не собирался. Поэтому я направился туда, куда сказали.

Улица Советская была, по всему виду, самой центральной еще в том Углегорске, до того как он переселился в Отстойник, потеряв где-то все население, да и сейчас таковой осталась. Несмотря на обшарпанный вид, осыпающиеся фасады домов и разбитые тротуары, неровную брусчатку там, где были когда-то трамвайные пути, она была оживленной. Ну на том фоне, что мне довелось наблюдать, проезжая по другим улицам. Были открыты какие-то магазинчики, заметил шашлычную, а затем и хинкальную, логично подпертые пельменной и просто пивной. Где-то негромко и хрипло играла музыка, причем старая и очень знакомая... точно, Русланова, да еще и «Валенки». Это как так?

Потом сообразил, что вряд ли кто с дивидиплеером сюда провалился, а тут небось одни патефоны были. Вот и слушают то, что есть. Тут еще круглых черных тарелок радиоточек ждешь, но пока на глаза не попадались.

Был у меня когда-то патефон, я его на даче на чердаке нашел, когда еще совсем сопляком был. Копался в старом, пыльном хламе — и вытащил. Патефон и квадратный черный чемоданчик с удивительно тяжелыми, толстыми и одновременно хрупкими пластинками с красными и синими бумажными «яблоками» в середине, которые крутились очень быстро и у которых на каждой стороне было записано по две песни, звучавших словно с того света. Но мне этот агрегат с пружинным приводом очень нравился, и я с удовольствием слушал «Утомленное солнце», «Брызги шампанского» и «Гоп со смыком».

Затрещал двигатель, мимо прокатил мотоцикл с коляской, за рулем которого сидел человек в танковом шлеме и в зеленой плащ-палатке. В коляске, против ожиданий, пулеметчика не было, а лежал большой мешок, на котором мне удалось разглядеть надпись «Сахар». Ага, добыл где-то. Тоже молодец.

Из шашлычной «Телави», когда я проходил мимо нее, потянуло вкусно и так остро, что я слюну сглотнул, перехватив любопытствующий взгляд толстяка кавказской наружности, стоящего на крыльце со сложенными на груди толстыми руками. Я лишь ускорился, успев с сожалением вспомнить, что у меня в кармане только талоны на бесплатное питание, а уж они наверняка шашлычного человека не интересуют. Почему-то я в этом уверен.

Бочаров не соврал — идти оказалось недалеко. Вскоре я увидел высокий забор, в нем — серьезные зеленые ворота с красными звездами, выглядевшие непривычно ухоженными на фоне всеобщего запустения, а забор превратился затем в стену дома с высоким крыльцом.

«Горсвет». И все, никакой расшифровки, вроде как у ропперов, или как там назвал тружеников по приему поселенцев рыжий сержант. Скромно, но со вкусом.

Вестибюль с дежурным в мощной клетке был просторным, из бывшего приемного зала почтамта переделанным. Колонны с барельефами вверху, на стене мозаика — вдохновенный горняк демонстрирует свой отбойный молоток восхищенной колхознице. И все это на фоне трактора и спелой нивы. Как на это поле попал шахтер, я так и не понял. Докопался, наверное, снизу. И деву напугал: вид у нее и правда какой-то неуместно экзальтированный.

В отличие от пустынного вестибюля РОПП, здесь было шумно и суетно. Сновали туда-сюда люди, кто-то громко говорил в коридоре, где-то звонили телефоны. На меня внимания никто не обращал — лишь дежурный, пропуская меня через клетку-шлюз, уже привычно направил мне в глаза фонарь-переноску, забрал у меня бумажку, прочитал ее внимательно, а затем вернул, сказав бесцветным голосом:

— Отдел кадров напротив, туда пропуск не нужен, — и указал рукой на дверь у меня за спиной.

Действительно, там была обитая дерматином дверь с требуемой табличкой. «Горсвет, Отдел кадров. Зам. н. ОК Березаев Павел Демьянович». Стучать в такую дверь было бесполезно — все равно не услышат, так что я ее просто потянул на себя и вошел.

Отдел был представлен одним-единственным человеком — седым и лысоватым дядьком годам к шестидесяти, росту такого, что его едва было видно из-за стола, одетого, к моему удивлению, в костюм, хоть и без галстука, однако сорочка была застегнута под самое горло, до верхней пуговички. А сам костюм был столь удивительного цвета, что я заподозрил: что портной украл сукно для его пошива с бильярдного стола.

Дядек был не лишен чувства юмора — на стене висел плакат с надписью, гласившей: «Приходи редко, проси мало, уходи быстро». При этом непохоже, что он был работой перегружен.

— Садись, — сказал дядек, после того как мы обменялись приветствиями, и указал на неудобный, как «кресло грешников», стул с прямой спинкой и бурым дерматиновым сиденьем системы «але, геморрой».

Точно, на таком не засидишься — уйдешь быстро и просить ничего не захочешь. Это я осознал сразу, едва усевшись.

— Давай направление, — сказал он, протягивая руку с вытатуированным на тыльной стороне ладони якорем.

Читал он его недолго, хмыкнул пару раз каким-то своим мыслям, затем аккуратно подшил в папку, которую, не вставая, извлек из шкафа. Затем сунул мне ротапринтную анкету на трех листах, спросив попутно:

— Чернильницей пользоваться умеешь или карандашик дать?

— Лучше карандашик, — честно ответил я.

— Держи, только очинен худо, — сказал Березаев, прокатив по столешнице простой карандаш, действительно заточенный кое-как, словно топором. — Документов-то никаких небось?

— Откуда?! — чуть преувеличенно удивился я. — Во двор на минутку вышел.

— А где тебя закрыло?

— В сарайчике.

— А я в подвал за огурцами полез на даче. Новый год справляли. То-то, думаю, гости удивились, куда хозяин пропал, — вздохнул дядек. — А жена так в особенности — решила небось, что к любовнице сдернул.

— А давно было, Пал Демьяныч? — вежливо поинтересовался я.

— Да девять лет уже как. Ты пиши анкету — времени мало, мне тебе документы выписывать, а потом бухгалтерия, замбой — в общем, хватает дел.

Анкета оказалась хоть и длинной, но простенькой, касалась больше бывших мест работы да полезных навыков. Березаев, почитав ее бегло, отчеркнул красным карандашом пункты про срочную службу, военную кафедру, охоту и рыбалку, чуть подняв брови, обвел в яркий овал мою запись о долгом стаже за рулем мотоцикла. Даже спросил:

— Мотоцикл точно водишь?

— Точно вожу. А что?

— Да мало кто умеет у нас, — сказал он, опуская глаза в анкету. — Мы же не французы сюда ссылаемся, климат сам знаешь какой — вот и получается, что мотоциклов тут много

вроде как, а мотоциклистов мало. Учим, естественно, но все равно это уметь надо.

— Ну... могу, если надо, — пожал я плечами. — Только у вас тут что за климат?

— Обычный. Но с коляской и зимой гоняем. Как в войну ездили, так и у нас ездят.

Я немного опешил, но потом вспомнил, что вроде как в той же хронике мотоциклисты круглый год катались. Да и что это за транспорт на войне, если он сезонный?

— А у вас тут что, «цюндапы» какие-нибудь трофейные? — заинтересовался я.

— «Харлеи», нас на снабжение с ленд-лизовского склада поставили, так что иного не полагается, — сказал Пал Демьяныч, отодвигая анкету в сторону. — Претендуешь?

— С коляской?

— С ней самой, — подтвердил тот. — И с приводом на коляску.

— Я с коляской не ездил, — чуть растерялся я.

— Поездишь, — резонно возразил Березаев. — У нас тут и без коляски поначалу никто не ездил, а вот пожалста. Привыкнешь. Плащ тебе дадим трофейный, кожаный, от самокатчика немецкого, — все девки твои будут.

Я покосился на его костюм, подумав, не явился ли именно этот критерий основным при выборе цвета сукна, но затем все же усомнился: Пал Демьяныч на ловеласа никак не тянул, да и от колера такого дамы скорее разбегутся.

— И чего мне, кататься взад-вперед? — уточнил я. — Что за работа-то?

— У нас служба, а не работа, — поправил меня Березаев. — А вообще, в мобильную группу. И посыльным, и разведкой, и вообще на всякий случай. Хорошая служба.

— Ну... как скажете, я согласный.

— Ну и хорошо, раз согласный, тогда помолчи пять минут, пока все отношения заполню.

Справился он минут за десять, а не за пять, как обещал, заполнив несколько отпечатанных бланков, в каких и предложил расписаться. Расписываться пришлось деревянной ручкой с пером, макая ее в двойную чернильницу, похожую на те, что раньше на почтах стояли, в результате одна подпись расплылась, а на вторую я посадил кляксу, и пришлось подписываться второй раз. Но справился.

— Ага, молодец — можешь, когда хочешь, — прокомментировал мои усилия Березаев.

Дальше все пошло удивительно быстро. Сначала он сообщил мне, что я обязан сфотографироваться на документы, затем отправил меня в бухгалтерию, всучив пачку бумаг, где мне пришлось посидеть минут десять, пока меня вносили в какие-то ведомости и после чего я получил на руки нечто интересное — «Расчетную книжку» с отрывными страницами вроде чеков, на каждой из которых стоял синий штамп, обозначающий номинал чека, и чья-то небрежная подпись. Правда, была еще и хитрая перфорация, которую просто так не сделаешь.

— И что, не подделают? — удивился я такой простоте местного расчетного средства.

— Да кто подделает? — спросила толстая девушка с усами и кудрявыми черными волосами, сидевшая за столом напротив. — У нас тут в городе семнадцать тысяч населения, зарплата на счету организации, все предъявленные к оплате чеки мы проверяем. Или попадется, или дело того не стоит. Пока проблем не было.

— Ага, хорошо, — кивнул я, убирая книжку в карман джинсов.

— Идите в вещевую службу, там ждут.

В отличие от бухгалтерии, сидевшей на втором этаже, вещевой склад размещался в подвале. Заведовала им тетка слоной комплекции, затянувшая свой необъятный бюст в

гимнастерку самого последнего размера. Несмотря на суровый вид, меня приняла доброжелательно, сразу восхитившись моим имеющимся гардеробом.

— Повезло тебе! — объявила она. — А я сюда в ночной сорочке и босиком — хорошо, что лето было.

— Это как?

— В уборной лампочка перегорела, — пояснила она, начиная заполнять на меня вещевой аттестат. — Получаешь пока летнее обмундирование и... ага, спецодежду. Танкошлем, плащ кожаный... ох ты... а надо посмотреть, остались еще или нет... Плащи раздает направо и налево, это где их напасешься на всех... так, ага... ну это есть, это не проблема.

Почему-то я такой тираде на пункте «плащ кожаный дефицитный» не удивился ни разу. Не знаю почему, но вот такое предчувствие у меня сложилось сразу же, как Березаев про него упомянул. Понятия «вещевой склад» и «безвозмездная выдача кожаного плаща» никак в моей вселенной не могли ужиться вместе.

С остальным проблем не возникло. Даже сапоги дали померить сразу несколько пар, причем вполне добротные, юфтевые, не кирзачи. Предупредив, правда, что если их изорву до окончания срока носки, то потом уже кирза достанется. Гимнастерку выдали хэбэшную, сдавленную по сгибам так, что о складки порезаться можно было, словно ее с помощью пресса упаковывали. Выдали непривычно не слишком широкие галифе, отмотали портянок. Затем мне досталась уже знакомая кепка-фуражка без всяких кокард и эмблем, которую я мысленно перекрестил в «фураньку», классический советский вещмешок с завязкой, памятный еще по собственной службе, мотоциклетные перчатки с крагами, добротностью натолкнувшие на мысль, что это трофей, а вот про плащ тетка забыла. А я взял да и напомнил.

После напоминания она суетливо повздыхала, удалилась на свой склад, где долго хлопала дверцами каких-то шкафов и что-то недовольно бормотала, затем вынесла мне куртку. Добротную такую брезентовую куртку с воротником из искусственного меха на манер тех, что у нас офицеры-танкисты раньше носили. Только у них была синяя, а тут защитного цвета, и воротник серый, как ушанка.

— Вот держи, английская, — пояснила она. — Для танкистов. А плащей нет, это Пал Демьяныч че-та попутал. И вот шлемы есть, все как в аттестате, — добавила она, выкладывая ребристый матерчатый танковый шлем темно-серого цвета. — Белья не выдаем — мало, на базаре сам покупай. Да оно там и лучше.

За плащ я решил не воевать: куртка мне тоже понравилась. А то, что с одеждой проблемы будут, я уже усвоил, так что любому запасу был рад. Разве что насчет зимнего поинтересовался, на что получил ответ:

— Рано еще, через пару недель выдавать начну.

Потом со склада вещевого отправился в оружейный, который так и назывался тут, а вовсе не склад РАВ, — чтобы узнать, что оружие на меня запишут, но выдадут после того, как на меня будут оформлены все документы и как я сдам норматив по стрельбе.

— А иначе хрен тебе, — емко сказал из-за решетки немолодой мрачный дядька с черными усами, командовавший складом. — Будешь учиться сперва.

— А где сдавать?

— На стрельбище. Это здесь, но уже темно, завтра отстреляешься. И сборку-разборку сдавать тоже будешь. Так что наставления учи, я тебе их тоже выдам. Стой здесь.

— Стою.

Дядька направился в склад, откуда и вынес нечто меня удивившее. Я ожидал такого же ППШ, как у Федьки-Теодора, или СКС, как у солдат, но мужик выложил на столешницу недлинную винтовку с торчащим вперед стволом без пламегасителя и с не слишком широким магазином, который он присоединил прямо у меня на глазах.

— Карабин ЭМ1, американский, — прокомментировал он. — Никто их не хочет, но ты, как новичок, получишь. Все равно ничего другого нет.

— А чего не хотят?

— Патрон слабоват для карабина, СКС его как бог черепаху кроет, — пояснил мужик. — А ППШ очередями шьет. Но ты не бойсь, на самом деле нормальный карабин — очень легкий, прямо игрушка, стреляет метко. И кстати, тут СКС таким как раз с него сделали, приказом наркома вооружений. В концептуальном смысле. Тоже магазин на двадцать, отъемный, тоже самозаряд. По проекту СКС на десять патронов был, из обоймы, а как по ленд-лизу от американов эти карабины пошли, так приказали переработать.

— А вы чего, местный?

Это я, задумавшись, сморозил глупость. Но мужик не удивился — видать, на статус новичка поправку сделал — и сказал:

— Тут местных нет, мы сюда с приятелем пять лет назад попали, когда проводку в гараже чинили. А вот бумаг выше головы осталось, почитал приказы.

— Ага, понял...

— Револьвер еще получи, — добавил он, выкладывая на стол наган.

— Это ленд-лиз? — удивился я.

— Нет, но других нет. Сейчас нет, — пояснил он, когда заметил мой взгляд, направленный на его кобуру.

Вне всяких сомнений, там покоился «кольт 1911», рукоятку ни с чем другим не перепутаешь.

— Девять миллиметров...

Тут я поразился малость.

— Шесть патронов...

Удивление окрепло.

— Гильза с дульцем...

Я понимающе кивнул.

— Барабан, понятное дело, неоткидной, — подвел он итог описательной части.

— Ага.

Ну наган как наган, разве что в калибре миллиметров больше, в барабане патронов меньше, ну и вид чуток отличается. В рукоятке что-то, долы... да и все, пожалуй, а так вполне обычный наган.

— Кобура — дерьмо, или переделывай, или на рынке купи, умельцы уже делают, — добавил мужик. — Ленд-лизовские хорошие, особенно если крышку на ремешок заменить, но под наган они никак.

— Понял, — кивнул я, затем спросил: — А с патронами чего?

— А на хрена они тебе сейчас? Я же все равно ствола тебе не выдам. Гуляй так покуда. Один просто не шляйся по темноте и к людям держись поближе. Заодно слушай побольше, чтобы не схарчил кто или не вселился. И все будет как надо, не менжуйся. Противогаз можешь взять. Хочешь — носи, а хочешь — сумку от него пользуй, он тебе по должности

положен.

— Ага, спасибо, — засмеялся я, принимая дар в зеленой брезентовой сумке.

К Березаеву попал уже после окончания рабочего дня — он специально меня дожидался. Сидел в полутьме, разгоняемой керосинкой, попыхивал трубкой, задымив кабинет так, что я чуть не закашлялся. Какой-то ядреный у него табак: как кислотой по обонянию.

— Закончил? — спросил он у меня, начиная убирать бумаги со стола.

— Ага, вроде всех обошел, — ответил я, демонстрируя тюк с одеждой.

— Ну и молодец. Тогда держи направление в общежитие. Улица Засулич, дом четырнадцать, в бывшем здании музыкальной школы.

Приняв от него серую бумажку с кривовато отпечатанным текстом, я уточнил:

— А добираться как туда? Я пока ориентируюсь так себе, то есть вовсе никак.

— Пешком не надо уже — темнеет, — указал он черенком трубки на окно. — Так успеешь до заката в принципе, но если заплутаешь... На «пепелаце» езжай.

— На чем?

— Автобус, развозит сотрудников... — Он глянул на часы. — Через двадцать одну минуту пойдет, как раз по двум адресам, ну и ты с попутчиками. А там сразу к коменданту с направлением, понял?

— А он еще работает? — спросил я, тоже посмотрев на часы, но уже с сомнением.

— Не работает — так дежурный за него. У нас везде дежурные — жизнь такая.

На сем наша беседа и закончилась. Пристроив тюк с одеждой на подоконник в вестибюле, я стоял у серьезно зарешеченного окна возле компании из нескольких молодых мужиков, немилосердно куривших, и глядел на улицу через запотевающее стекло. Попутно отметил, что мужики сплошь вооруженные — кто с кобурой, а кто и с чем побольше. У кого ПППШ, к виду которых мне никак не получалось привыкнуть, а у кого американские карабины вроде того, что мне только что почти выдали.

Болтали они о чем-то веселом, много смеялись, запуганными или прибитыми жизнью не выглядели, и я решил, что если бред у меня не закончится, то я здесь тоже как-нибудь проживу. Пока дороги назад не найду.

— О, «пепелац»! — сказал один из мужиков, и вся компания потянулась к выходу.

Ну и я за ними, подхватив вещмешок и узел.

«Пепелацем» оказался довольно дряхлого вида трехосный грузовик «ЗИС», громыхающий и одновременно с тем чихающий двигателем, у которого вместо обычного бортового кузова стояло что-то вроде автобусного салона. Дверь со скрежетом распахнулась, сидевший за рулем мужик в замасленном комбинезоне крикнул:

— Можно садиться. Говори, кому куда.

Остановок оказалось всего две, как Березаев и обещал: «Жилой городок» и «Общага». Водила покивал и, когда все уселись на жесткие дощатые лавки с такими же жесткими спинками, тронул свой «пепелац» с места. Тот заныл натужно, завонял выхлопными, но достаточно бодро покатыл по улицам.

— Новенький? — спросил меня усевшийся рядом со мной парень, высокий, худой, но плечистый и жилистый.

— Ага, сегодня провалился.

— Не повезло, — усмехнулся он. — А я уже четвертый год здесь. Откуда сам?

— Из Москвы, если ты про город.

— Про город, — подтвердил он. — Со слоями реальности тут разбираться бесполезно, с

ними все очень сложно. Как сюда?

— В сарае закрыло.

— А я у любовницы в доме в шкафу от мужа спрятался, прям как в анекдоте, — усмехнулся тот. — Как представляю Лидкину морду, после того как мужика своего спровадила, а я куда-то исчез, так до сих пор смех разбирает.

— В портках хоть был? — засмеялся и я.

— Ага, в мужниных. Я их с перепугу в руки с вешалки схватил. А кроме порток ничего и не было. И выкинуло среди зимы.

— И как ты? — удивился я.

— А меня прямо в городе выкинуло — в пустом доме возле самого периметра, аккурат напротив КПП. Повезло. Паша меня зовут, Павел в смысле.

— Володя.

— Будем знакомы, — пожал он мне руку. — В общагу, как понимаю?

— Ага.

— Значит, у нас работать будешь. В фонарщики определили, естественно?

— В фонарщики. Только объяснить забыли, что делать надо.

— А тут и объяснять нечего, — засмеялся он. — Ездишь по графику по пустым домам и те места, куда свет не попадает, фонарем освещаешь. Ну и отбиваешься от того, что там успело завестись.

Я лишь вздохнул, потом прокомментировал его объяснение:

— Мне бы еще просветиться насчет того, что там обычно заводится.

— Да тварь всякая, — отмахнулся он. — Бывает с крысу, бывает с собаку, бывает и с медведя. Еще нетелесная бывает — та и вселиться может. Причем всегда через глаза, так что без очков никак нельзя. Вот это все и надо истреблять. Заодно травку темную, но она от света сама пеплом распадается, а бывает, еще и по вызовам гоняем. На манер пожарных.

— Ага, понял. А потери в личном составе как?

— Ну как тебе сказать... — задумался он. — Зимой больше, Тьма крепнет, летом меньше. Бывает, что просто не везет — две мобильных группы за последнее время здорово подвыбило, а бывает, что несколько месяцев никакой убыли в личном составе.

— А вот эта вся разведка, комендачи и прочие — они к таким делам никак? — задал я уже давно крутившийся на языке вопрос.

— Помогают, бывает, но у них и других дел хватает. Разведка вне города действует, у комендачей периметр, патрулирование и с людьми война.

— С людьми? — опешил я. — А чего это? Заняться больше нечем?

— А ты как думал, тут все ангелами становятся? — иронично спросил он. — Тут и конфликты интересов, и за ресурсы война, и вообще какая-то непонятная движуха пошла, говорят, последнюю пару лет. Вроде как даже секты завелись, живут не пойми где и вроде даже Тьмы не боятся. Не трогает она их вроде как.

— В глаза светят из-за них?

— И из-за них тоже, — подтвердил Паша. — И у одержимых глаза чернеют, правда, у всех по-разному. Но это увидишь — как пойдет инструктаж, так все на картинках тебе покажут.

— А чего хотят секты-то?

— А хрен его знает. Хотят чего-то, но нам о том не рассказывают. Ну ты сам прикинь, тут же мир такой, как и там, по ту сторону. Тут и Америка где-то есть, и Германия, и Китай с

Антарктидой. И всюду проваливаются. Как тут проблемам не быть?

— Это точно?

— Точно, разведка-то катается, до других областей добирается. А те в свою очередь еще до других. Так и расходится информация.

«Пепелац» подскочил на колдобине так, что народ чуть со скамеек не послетал. Послышались веселые матюги и всякие пожелания водителю. У меня тюк улетел под переднее сиденье, пришлось доставать.

— Паш, ты вот что скажи: в общаге этой самой поесть можно или как? — побеспокоился я. — А то с утра не жрамши, в желудке волки воют.

— В буфете. Хоть пожрать, а хоть и выпить.

— В общаге выпить? — удивился я, вспомнив студенческую молодость.

— А что? По вечерам шляться не очень принято, вот и разрешают. А не разрешали бы, так по комнатам бухали бы, какие проблемы? Свинья грязи, а человек водки всегда найдет.

— Но пожрать точно можно?

— Точно, — уверенно ответил Паша. — Разносолов не обещаю, но бутерброды найдутся или пирожки какие, ну и чай там, молоко или чего покрепче. Ага, первая остановка.

«Пепелац» медленно и тяжело затормозил, дверь открылась прямо напротив ярко освещенной, уже электрическим светом, проходной. Где-то в отдалении тарахтел движок, и я сразу вспомнил предложение Федора. А генераторы ведь точно здесь нужны.

Несколько человек, поднявшись со своих мест, пошли к выходу, быстро выбираясь из салона машины в освещенный круг. За окном совсем уже стемнело.

— Тут семейные живут, у них вроде как квартирки, — пояснил Паша. — А мы, холостые, по-спартански.

— Общага мужская? — поллюбопытствовал я.

— Ага, мужская, женская в соседнем корпусе. Но тут запретов нет, разве что Нурик, комендант, от такой распушенности душевно страдает. Он у нас другого воспитания. Все в инстанции пишет, чтобы, значит, проход девкам запретить. Даже сам пытался, но по репе схлопотал от населения — задний ход дал.

— А зачем ему?

— Завидно, наверное, — пожал Паша плечами и добавил: — Или просто пускать за деньги хочет. Он у нас такой, сообразительный.

Машина вновь тронулась с места, подсадив попутно двоих молодых парней.

— Кстати, мне бы бритву еще купить надо и там щетку зубную... — вдруг вспомнил я.

— Это без проблем, прямо в буфете торгуют, — сказал Паша, после чего добавил: — Ну вот, три минуты — и мы на месте.

Так и оказалось. Ровно через три минуты машина въехала в открытые ворота, ведущие в типичный школьный двор, сейчас довольно ярко освещенный до самого крыльца с балюстрадой. Три этажа, примитивные барельефы со всякой музыкальной символикой, надпись под крышей, заметная даже сейчас: «1-я городская музыкальная школа имени Второго Коминтерна». Я попытался вспомнить, когда был Коминтерн первый, и не вспомнил.

— Все, выходим, — поднялся Паша, подталкивая меня к выходу.

На улице было по-прежнему холодно, промозгло, поэтому все сразу резко почесали к дверям, втягивая голову в плечи, хотя в салоне «пепелаца» жарко тоже не было, отапливать его никто не планировал.

Я избежал по выщербленным ступенькам, толкнулся в стальную тяжелую дверь, пытавшуюся вернуться на свое место на пружине, и словно в своей школе оказался, в которой учился до десятого класса. Вестибюль, колонны, за ними коридор, правда отделенный серьезной решеткой от вестибюля. По бокам у нас раздевалки были, а здесь такая только с одной стороны. С другой — привычная уже клетка-дежурка, рядом с ней дверь с табличкой: «Комендант комплекса Оразбердыев Нурберды Овесдурдыевич».

— О как, — только и сказал я, восхищенный, прочитав табличку.

Слышавший звук дежурный, сидящий над кроссвордом, негромко хмыкнул.

— На месте комендант? — спросил я его.

— Ага, пока на месте. Заходи.

Постучавшись, ждать ответа не стал, а толкнул дверь, попутно вытаскивая из кармана предписание на заселение.

— Товарищ Оразбердыев?

Среднего роста, коротконогий, сухощавый мужик с длинным смуглым лицом и черными короткими волосами обернулся ко мне от шкафа, в котором что-то искал, и спросил:

— Чего хотите?

— Пожить типа, — доложил я, протягивая бумагу.

Тот кивнул, взял ее, прищурившись, поднес к свету. Я попутно разглядел его повнимательней. На ногах сапоги хромовые, с глаженными голенищами, синие комсоставовские бриджи, дорогая и наглаженная до хруста коверкотовая гимнастерка без погон. Подворотничок на фоне темной шеи пугает белизной. Есть подозрение, что большую часть своего времени комендант уходит за собой посвящает. И форму любит — генералом себя в ней чувствует. И одеколоном от него немилосердно.

— Ага, фонарщик, — удовлетворенно заключил он, складывая бумагу. — Оружие получил?

— Нет пока.

— Как дадут, сразу дневальным заступишь, — объявил он мне радостно.

— Чего это?

— Дневальный все ходят — положено, — объяснил он. — Только без оружия такой дневальный как овца — кушай его кто хочет.

— Понял, Нурберды Овец...

Тут я растерялся и почувствовал желание повторно взглянуть на табличку. У меня уже и фамилия коменданта из головы успела выветриться, не то что невыразимое отчество.

— Э, Нуриком зови, не старый, да, — сказал он, небрежно, но вполне величественно махнув рукой. — Овец не зови, баран не зови. Ты какого года?

— Шестьдесят пятого.

— Вот, ровесники. Я шестьдесят восьмого даже, но тут уже три года, — блеснул он знаниями математики. — Сам откуда?

— Москва.

— Я из Ашхабад. В Москву командировка приехал, бритоголовые погнались. Я от них в темный подъезд спрятался, они за мной. Там дверь в подвал. Спрятался там, а потом прямо сюда вышел. Теперь комендант, — погордился он напоследок.

— Повезло, — позавидовал я.

— Что — повезло? Везет баран, когда не его на шашлык пускают, а другого. А меня за заслуги назначили, сам глава администрация приказал.

— Ух ты... — только и сказал я, тщательно изображая зависть.

— Ладно, третий этаж тебя заселю, вторая комната, второй пенал.

— Чего — второй?

— Комната.

— А после комнаты?

— Пенал, — пояснил комендант Нурик с интонацией, с какой с детьми говорят. — Ты что думал, тут гостиница такой? Горничный-морничный завтрак носит? Школа был, классы большие, их поделили. По три живут, но вас пока два будет, один сосед твой погиб недавно. Тоже фонарщик был. Ключи держи, пошли в каптерка, я тебе белье дам. На неделю, аккуратно надо, понял? Тут как армия.

Как в армии и было. И одеяло шерстяное с тремя полосами, и плоская подушка, и два вафельных полотенца, и даже тапочки «ни шагу назад» с номером на них, нанесенным по трафарету. Со всем этим барахлом поднялся по лестнице, прислушиваясь к звукам и запахам вечернего общежития: откуда-то явно тянуло жареным мясом, вызвав очередной приступ слюноотделения. Ладно, если буфет открыт, то недолго терпеть осталось, аванс мне выдали...

В коридоре третьего этажа столкнулся с каким-то голым по пояс парнем, на бегу вытиравшим мокрые волосы и поздоровавшимся со мной, хоть и не были знакомы, затем нашел нужную комнату. Быстро нашел, потому что она от лестницы как раз второй по счету и была. Обратил внимание на женский смех из-за следующей двери, вошел внутрь.

Сразу вспомнился старый фильм «12 стульев», еще с актерами Филипповым и Гомиашвили. Там тоже была такая вот квартира, где большой-большой зал был поделен на деревянные клетушки. Здесь, правда, перегородки были до самого потолка, и даже опшукатуренными, но все же ассоциации вызвали.

Достал из кармана ключ, но, услышав за дверью возню, просто повернул ручку. Вошел и сразу же поздоровался с Федором, сидящим с книгой на кровати.

— О! Вова! — обрадовался он мне. — Сюда подселили?

— Вроде того, — подтвердил я, вываливая на пустую металлическую кровать свои вещи.

Выбрал из двух пустых ту, что стояла ближе к окну. Койки были разделены ширмами вроде медицинских, для вящей приватности, но если кто храпит, то всем хана — звуку они не препятствуют. Окно, возле которого стояла койка, кстати, было заметно меньше того, которое в свое время украшало фасад музыкальной школы имени Второго Коминтерна. Его тщательно заложили кирпичом эдак на три четверти, оставив вместо бывшего огромного вполне скромное, да еще и с решеткой по типу тюремной.

— Федь, буфет открыт, не в курсе? — сразу перешел я к главному.

— Открыт, куда он денется, до полуночи работает. Голодный?

— А ты как думал? Как на том свете чашечку кофе в себя залил с утра с печеньицем, так и все.

— Ну так в чем проблема, пошли, — сказал он, резко откладывая книгу и поднимаясь с кровати. — Я и сам не против чайку. Можно и покрепче за знакомство, но я перед дежурством ни-ни, а завтра на смену. Вот после — это с моей великой и полной готовностью, куда там юным пионерам.

— Ну сегодня я и сам не готов, наверное, — не очень уверенно сказал я. — И мне тоже завтра в Горсвет с утра пораньше, да еще и сфотографироваться можно.

— А чего, сто грамм фотографию засветят? — гыгкнул он.

— Сто не засветят, но у меня друг был фотографом, как раз на документы снимал, — принялся объяснять я. — И вот мы с ним поддали плотно прямо в ателье у него, здорово так, после работы, а тут я вспомнил, что шел к нему за фото на служебный паспорт — меня в загранкомандировку отправляли, впервые в жизни.

— И чего? — заинтересовался он.

— Ну вот и снял в дрова пьяный фотограф в дымину пьяного клиента. Сразу отпечатали, утром сдал куда надо снимки.

— И?

— И потом ни один паспортный контроль по этому документу нормально пройти не мог. Все в отказ сразу шли: не ты, мол, и все, езжай откуда приехал. Хоть волком вой. И под смех трудящихся вынужден был каждый раз убеждать, что это я, просто напился до синевы. И даже рожу похожую корчить.

Федя поржал. А я между делом кровать заправил, вспомнив еще армейские навыки. Ничего так, навсегда, похоже, вколотили. Затем мой взгляд упал на балалайку, висящую над Фединой кроватью. Не удержался, спросил:

— Умеешь?

— А то! — гордо сказал Федя, потянувшись к инструменту.

— Где взял?

— Да тут и нашел в подвале. Музучилище же бывшее.

Струны бренькнули у него под пальцами, и он ловко и быстро заиграл частушечный мотивчик, напевая:

Эх раз, еще раз, «фендер стратакастер»,
Я и песни петь могу, и ...ся мастер!
Девки, в кучу! Х... нашел!
Вы ...тесь, я пошел!

Все это завершилось кратким, но удивительно залихватским соло на струнных, равно как сопровождалось лихим притопыванием тапочками в пол.

— Ну ты и Хендрикс! — восхитился я дарованием.

— А то! Дамы млеют, — легко согласился Федя, поворачиваясь и вешая балалайку на подобающее почетное место.

— Оно и понятно: настоящий талант никакие матюги не испортят.

— Хочешь научу? — поинтересовался он.

— Ага, спиши слова. Слушай, я бы еще в душ сходил, — сказал я, тормознувшись и подумав про то, что лучше сперва ножки-то помыть, прежде чем в одних тапочках идти в место, где люди едят. Не зря же в резиновых сапогах марш совершил.

— Ну давай до конца коридора, там увидишь, — легко согласился он, заваливаясь обратно на кровать и хватаясь за книжку. — Я подожду.

Утром разбудил всех громкий школьный звонок, который, как заранее предупредил Федя, был тут вместо гудка заводского. Кому надо, тот по нему вставал, а кому не надо, засыпал обратным порядком. Такое желание было и у меня, потому что проспять удалось всего часа два. Нет, в буфете я не хулиганил и пил чай с сочными, и страшноватого вида

опасную бритву купил, и щетку, и коробку зубного порошка, затем изучал, даже наизусть учил наставление по американскому карабину, но вот потом, как задули керосинки и улеглись, тут-то и началось. Как навалилось осознание того, что я и вправду провалился черт-те куда и что там бегают заполошно почти жена, вызывающая, наверное, милицию. Те задают вопросы, осматривают место, где стоял сарайчик с генератором.

А партнеры? Если меня месяц на работе не будет, то можно уже не возвращаться. Не то чтобы они люди плохие — просто соблазнов очень много, а человек по природе своей слаб. Трудно удержаться от того, чтобы не оприходовать жирный и, по всем приметам, бесхозный кусок...

Мысли неслись в голове как десятки шаров для боулинга, спущенных под откос, тяжело сталкиваясь и разлетаясь в стороны под самыми неожиданными углами, в закрытых глазах мельтешила череда образов один причудливей другого: там были и черные глаза с вертикальными зрачками, неожиданно появившиеся у моего партнера по бизнесу Димы Семиряхина, и зловещая тьма, окутавшая сортир в моем доме, куда я боялся подойти, хотя очень надо было, и какие-то черные птицы вроде гигантских ворон, летающие над головой и выкрикивающие невнятные угрозы. Сон ли был это, или грезил я наяву — точно не скажу, но спать это мешало чертовски. И когда я все же сумел заснуть, чутко и беспокойно, чертов звонок мотопилой резанул прямо по сведенному судорогой мозгу.

— Ох, ё... — протянул я, поднимаясь и по привычке шаря возле кровати в поисках бутылки минеральной и не находя ее, естественно.

У меня из-за сильно перебитого носа была привычка дышать ртом во сне, отчего утро глушило сушняком. Но сегодня я озабочиться не сумел — не нашел подходящей емкости под воду.

Федя же вскочил легко, натянул бриджи и, сунув ноги в тапочки, вышел в коридор, размахивая полотенцем и напевая:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля!

— Ага, мне бы тоже проснуться, — прохрипел я, мотая головой и пытаясь вырваться из-под навалившегося, как пыльная перина, сна.

Кое-как удалось, тоже поплелся умываться, почему-то в мыслях сбившись на «Марш авиаторов» — видать, Федей и антуражем навеяло.

Потом пришлось вспомнить, как мотать портянки. Приодеться в обновки решил, оставив на себе лишь старый свитер. Нечего из рядов выделяться, да и пригодятся мне еще, чувствую, мои резиновые сапоги. Тут таких, кажется, большой дефицит, поберегу.

Английская танковая куртка вызвала у Феди шквал расспросов. Узнав, что меня назначают на мотоцикл, он и вовсе обзавидовался.

— Везет тебе, Вовка! А я все в атаке охреневаю. А водила наш сидит курит, пока мы с фонарями по развалинам лазим. А сколько за баранку просился.

— Так мне сказали, что мотоциклы пустые, ездить некому! — удивился я.

— Не, мотоциклов че-то боюсь, — признался он. — Мне бы на машину.

Надев пояс с кобурой, причем весьма продвинутого вида — самоделка, видать, — он извлек оттуда легко узнаваемый ТТ, выкинул магазин из рукоятки, оглядел, заглянул в патронник, после чего зарядил оружие, поставив его на предохранитель. Какая-то деталь словно по глазам резанула — очередная мелкая неправильность.

— Федь, что не так с твоим стволом?

— В смысле? — не понял он.

— Чем от нормального отличается?

— Ну ты спросил! — удивился он. — Откуда я знаю, как там у вас было?

— А откуда ты «фендер стратакастер» знаешь? — требовательно спросил я. — Из моего слоя песенка.

— Да здесь от кого-то слыхал, — оправдался он. — А «Стены древнего Кремля» у нас тоже пели.

— А ствол?

— Да сам глянь, только не пальни случайно: патрон в патроннике.

Разницу долго искать не пришлось. Рукоятка отличалась формой — больше заваленная назад, так что пистолет было держать удобней, — и патроны оказались совсем другими: девять миллиметров, с довольно длинной гильзой, вполне тэтэшной. И вес у ствола солидный, от нашего ТТ отличный вроде. Серьезный агрегат. Еще предохранитель сбоку, как на американском кольце, заходящий в выемку затвора, — тоже непривычно.

— Ты гля... — удивился я. — И как?

— Шьет любую тварь насквозь, — ответил Федя.

— А пэпэша твой под такой же патрон?

— Ага, под такой.

То-то магазин в его автомате не такой изогнутый, как в том ППШ, что в нашей реальности в пользовании был. Заодно я обратил внимание, что назвал оружие «автоматом», как было принято у нас во время войны, и как тут, похоже, его именуют. Да я и не против, у меня от сочетания «пистолет-пулемет» язык в трубочку заворачивается.

Народ внизу толпился у «пепелаца», так и оставшегося на ночь во дворе, но мне Федя предложил пойти пешком.

— Тебе же фотографироваться? По пути ателье. Срочную съемку закажешь, в обед карточки заберешь. К вечеру документ выпишут.

— Ага, нормально, — обрадовался я. — Пошли тогда.

Дождя сегодня не было, но стало еще холодней. Сырость висела в воздухе, озноб забирался под одежду, заставляя радоваться приобретенной куртке и сохранившемуся свитеру. «Фураньку» я, кстати, тоже натянул на голову, а танковый шлем нес под мышкой, полагая, что меня наверняка сегодня захотят посадить на мотоцикл. А раз уж нормальных шлемов здесь нет, то хоть такой защитит, случись навернуться. А случится навернуться обязательно, потому что любой мотоциклист знает — невозможно кататься и не падать, рано или поздно ты со своего стального коня полетишь.

Мы шли по улице не одни: много народу спешило в разных направлениях, все по своим делам. Хватало и машин, на которые я глядел с настоящим восхищением — прямо музей на свободу вырвался и здесь катается. Видел и «виллис», и «бантам», и наш «ГАЗ-67», и «додж's», и знаменитый «студебекер» пронесся мимо нас, разбрызгивая лужи колесами. Протарахтел мимо трофейный серый «кюбельваген», пронеслись два советских мотоцикла М-72, в каждом по водителю и бойцу с пулеметом в коляске. Много было полуторок, которые

тут, похоже, были за основное развозное средство, вроде «газели» у нас, некоторых машин я просто не знал. Может, их не было в моей реальности, а может, просто не видел — я специалист в них невеликий, знаю только то, что любили в хронике и в кино показывать.

Хватало тентованных грузовиков, которые везли, судя по одежде, рабочих. Уточнил у Феди, тот подтвердил:

— Ага. На перегонный, на угольный разрез, на электростанцию, на металлургический. Там всех всегда с доставкой и охраной, чтобы не вышло чего дорогой.

— А чего так?

— А за периметром почти все. Дорога тоже под охраной, в общем, но все же бывают инциденты. Но с работягами — никогда, их от КПП под охраной брони повезут еще.

Я продолжал глазеть, и вскоре меня особенно восхитила высокоосная и явно полноприводная машина, эдакая смесь представительской и внедорожника, с запаской на водительской дверце и запасными канистрами на бортах. Не удержался, спросил у Федора.

— «Додж» пятьдесят третий, который «карри олл», «вези все». Это, кстати, начальник Горсвета проехал — наш босс, так сказать.

Действительно, помимо водителя внутри можно было разглядеть мордатого мужика в фуражке и серой шинели. Прямо генерала на фронт повезли.

— Симпатичный экипаж, — прокомментировал я.

— Ага, — согласился Федя и добавил: — Но мне для моих дел «блиц» куда лучше. Кстати, когда за генератором поедem? Это же золотое дно, у тебя его с руками оторвут.

— А когда лучше?

— Ну... послезавтра? Если тебя на сутки не поставят, ты все равно выходной, и я сменюсь. Оружие-то не выдали?

— Пока нет.

— За периметр без него не надо. Нельзя даже. Купить можно, но в продаже ничего такого особого нет, «болты» одни. «Мосинки» и немецкие маузеры, и ничего больше обычно. Да и дорого. И все равно документы нужны.

— Кстати, Федь, народу со стволами много, до стрельбы дело не доходит в городе? Друг в друга в смысле.

— Доходит. Но очень редко.

— А чего так?

По моим прикидкам, где народ нервный, а при такой жизни под Тьмой им точно станешь, до пальбы должно доходить легко и — главное — часто.

— У нас за это расстрел, если первый начал и кого-то подранил хотя бы, — усмехнулся Федя. — Если просто не по делу, от избытка чувств пострелял — в потолок, например, лихость показать или спьяну, — то на общественно-полезные работы. А общественно-полезные у нас конкретно стремные.

— Это какие?

— Дома разбирать за периметром. Не, фонарщики там профилактику постоянно делают, но не везде успевают. Так что могут быть проблемы. И бывают регулярно. Больше года не дают — считают, что за год точно соображать научишься. Кстати, тебе ствол пока не выдали?

— Спрашивал уже. Обещали выдать, если какой-то там экзамен сдам и документы будут готовы.

— Экзамен несложный, а документы... ну вон ателье, уже пришли.

Фотоателье словно в кино или воспоминания детства меня окунуло. Тогда тоже были такие большие деревянные фотоаппараты на треногах, и фотограф с головой накрывался черной тканью, а тебе надо было чинно глядеть в объектив. Пахло химикатами, запах которых ни с чем не спутаешь, я в свое время увлекался фотографией сам, пытаюсь щелкать «сменой» все подряд, честно проявляя пленки и печатая, а потом сваливая получившиеся скручивающиеся фотографии в коробки из-под обуви. Скручивались они потому, что у меня не было глянцевателя — еще одного страшно необходимого прибора.

На стенах ателье висели фотографии с незнакомыми людьми, в углу стояла даже пальма в кадке, заметно пожелтевшая с одной стороны. Фотограф тоже был словно из кино — немолодой усатый дядька в жилете с кармашками и мятых брюках.

— На документы? — с ходу спросил он, едва глянув на нас.

— Так точно, — подтвердил я.

— И срочно, чтобы в обед забрать? — уточнил он.

— Именно так.

— Два рубля тогда с вас, авансом.

С расчетной книжкой я был пока знаком плохо, поэтому пришлось искать, где там пропечатаны «рублевые» листочки. Фотограф терпеливо дожидался, кивнул, когда я нашел нужное и аккуратно вырвал по перфорации, затем пригласил садиться. Я почему-то ждал, что он помянет вылетающую птичку, но все случилось молча и быстро. Он со скрипом посовал свою треногу по полу, затем раздался громкий и какой-то деревянный щелчок, затем он вынырнул из-под своего покрывала и взялся выписывать квитанцию.

В Горсвете, когда я уже отмечался на проходной, дежурный, заглянув в какие-то записи, сказал мне:

— Иди на второй этаж, в ПБУ, там представишься и доложишься.

— Понял.

Федя лишь сказал:

— В четвертую группу просись! — и побежал куда-то по коридору.

А я пошел куда сказали. На лестнице было даже тесновато, народ валил на службу. За дверью с надписью «ПБУ» оказался человек пять, все в военной форме, но без знаков различия, так что я растерялся: кому тут представляться?

— Новый? — спросил один мужик лет пятидесяти — худой, носатый, с залысинами на темных волосах над высоким покатым лбом.

— Так точно! Представляюсь по случаю прибытия, но не знаю...

— Антонов, — протянул он мне руку. — На «харлея»?

— Вроде бы, — осторожно кивнул я.

— Жди момент, — сказал он и отошел к столику, на котором стоял полевой телефон. Покрутил ручку, затем сказал кому-то: — Инночка, Антонов, дай зампотеха. — Затем после паузы заговорил с кем-то еще: — Антонов здесь. Петрович, мотоциклиста тебе посылаю, дай команду с матчастью знакомить, ну и пусть покажет, что умеет. Ага, ага... давай. Давай. Лады. Все.

Обернувшись ко мне, сказал:

— Тебя в штат на должность мотоциклиста-разведчика зачислят, если матчасть знаешь и на оружие норматив сдашь. Придадут второго номера, пулеметчика. А пока по коридору до конца, там по переходу в соседний дом. Спускаешься на первый этаж, находишь дежурного по парку, зовут Василь Ивановичем, как Чапаева. С ним и говори, он в курсе. Понял?

— Так точно.

— Давай.

На этом разговор закончился. Антонов подошел к висящей на стене огромной карте, утыканной разноцветными флажками.

— Сергей Альбертович, — обратился к нему крепкий мужик с волосами ежиком, затянутый в кожаную куртку, — получается, что одной мотомангруппы тут мало будет, надо сразу две посылать. А тогда не успеваем во второй сектор...

Дослушивать я не стал: вскоре все эти «неуспевания в сектор» свалятся и на меня в том числе, и тогда уж я точно все пойму, что тут происходит.

Натертый мастикой, старый, разболтанный паркет звонко стучал под каблуками, из открытых дверей кабинетов доносились голоса, было слышно через окна, как на улице прогревались моторы и чей-то истеричный голос кричал: «Опять на ночь воду не слил, а? Да я тебя под трибунал! А если заморозки? Машина встанет, тебя в телегу запрягу — и будешь за грузовик здесь работать!»

Коридор превратился в крытый переход, в котором почему-то оказалось неожиданно холодно, затем переход стал лестницей, ведущей вниз. Спустившись по ней, оказался в огромном кирпичном ангаре, в котором на смотровых ямах стояло несколько машин. Классический ведомственный гараж тех времен, когда машины гонять на ремонт в сервис принято не было, справлялись везде своими силами.

Остановив какого-то малорослого и невероятно чумазого парня, спросил у него:

— Василь Иваныча где найти смогу?

— Вон там, за «бюсингом», — махнул чумазый рукой в сторону большого грузовика, стоящего на подпорках вместо колес. — В кондейке чай гоняет.

— Понял, спасибо.

Пошел куда сказали, обходя машины и прочие препятствия, но кондейку, тесную, с большим окном, выходящим в гараж, нашел пустой — лишь на столе на расстеленной газете стояла исходящая паром кружка чаю, а рядом с нею лежал бутерброд с колбасой. Судя по всему, обитатель кондейки куда-то вышел, может, даже по уважительной причине. Поэтому суетиться не стал, а так и решил подождать в дверях, привалившись к косяку, наблюдая за суетой во дворе, который хорошо просматривался через открытую калитку в больших воротах. Там какой-то большой самосвал, с горой груженный углем, завывая двигателем, сдавал задом. В общем, работа уже кипела.

Ждал недолго — минуты три. В калитку почти что забежал невысокий пожилой дядька, бородатый, хоть и лысый, в колушке без рукавов, надетом поверх грубого свитера. С ходу протянул мне руку, спросив:

— Бирюков? На мотоцикл?

— Так точно.

— Тогда чего время тянуть, пошли сразу, — решительно сказал Василь Иваныч, разворачиваясь и направляясь обратно на выход.

Я потопал за ним, оказавшись во дворе, уставленном разнообразными машинами, часть из которых была на ходу, а вторая явно нуждалась в ремонте. Привлек внимание ряд машин, здорово смахивающих на «ГАЗ-51», но с эмблемой «Шевроле». У некоторых в кузове стояли зачехленные пулеметы на треногах.

— Говорят, вас от ленд-лиза снабжают?

— И трофеями тоже, «кюбели» вон стоят, — он указал рукой в дальний конец двора, где

в рядок стояли три серых «кюбельвагена». — С нашими машинами проблем побольше, тут американцы во главе всего. А у нас работа знаешь какая — чиниться через сто верст некогда. А вообще, тут автопарк, — пояснил мой провожатый. — Броня — с обратной стороны, нам туда.

— Бронетехника? — удивился я. — А мотоциклы при чем? Они у вас бронированные, что ли?

— Темнота! — сказал как припечатал Василь Иванович. — Историю учить надо: мотоциклы всегда были в составе танковых частей. И подчинялись управлению бронетанковой техники. У нас по крайней мере. И в Отстойнике тоже.

— А как у нас — я без понятия, — соскочил я с темы. — Может, и не так.

По пути он заглянул в какой-то склад, откуда вышел с десятилитровой канистрой и воронкой, сразу сунув все это мне.

Калитка в заборе, дежурный с ППШ, с виду бдительный, но ничего не проверяющий, за забором еще двор открылся, засыпанный гравием. По обе стороны вытянулись кирпичные боксы явно недавней постройки, некоторые из них были открыты. В крайнем стояла загадочная машина, напоминающая стальной зеленый ящик на узких гусеницах, из которого бивнем торчал вперед ствол пулемета, а внутри самого ящика стоял еще один — ДШК на треноге.

— Это что, Василь Иваныч?

— Английский легкий тягач, — ответил тот. — «Карриер» называется, второй модели. Хорошая штука, и лезет везде, и тащит что хочешь, и личный состав возит. Как хочешь, так ее и пользуй. Правда, они у нас нечасто на выезде — и траки бережем, и ресурс, и дороги в городе. Это если только где прорыв. Если гусеничную по городу начнешь без нужды гонять, глава администрации башку снимет. Ну с работы точно слетишь, город и так в грязи тонет.

— А так на чем выезжают?

— Да по-разному, но больше на двух машинах, — взялся объяснять дежурный. — «Шевроле»-полуторка с пулеметами в кузове, там и личный состав, и огнем поддержка случай чего, и вторая машина, с генератором на прицепе. Но вторая группа на трех «шнауцерах» катается, а в четвертой «мерседес»-полуторка в версии для перевозки личного состава. Теперь вот мотоциклы пригать собрались: и разведка на маршруте, и стогнать куда по-скорому.

— То есть моя работа, — уточнил я.

— Если водить умеешь, — уклончиво сказал Василь Иванович.

В парке бронетехники было куда тише и спокойней, чем там, где стояли машины. Заметно было, что там жизнь кипит, а тут вроде как все про запас стоит, хранится — и ладно. Возятся двое-трое механиков, да и все. Или, может, даже из экипажей кто.

— Сюда нам, — сказал Василь Иванович, брякнув большой связкой ключей, которую тащил в руке. — Навались на воротину, чтобы я замок выдернул.

Я прижал увесистые ворота, и дежурный по парку ловко снял навесной полукруглый замок, повесив его дужкой на ручку.

— Давай потянули.

Ворота на смазанных петлях распахнулись, открыв нашим взглядам не слишком просторный бокс, в котором тесно стояли аж четыре крашенных в матово-зеленый цвет мотоцикла с колясками.

— Вот этот крайний и бери, — сказал Василь Иванович, постучав по резиновой

рукоятке руля.

— Ключи?

Он посмотрел на меня с недоумением, затем вздохнул горестно. Сказал:

— Машина военная, вон тумблер поверни — и стартер ногой запускается. Кто же их с ключом делать будет?

Я подумал, что у нас грузовики с ключами катались, и нормально. Но вслух говорить ничего не стал. Обошел вокруг, оглядел.

Большой. Увесистый. Два сиденья раковинами, заднее — с рукояткой, чтобы пассажиру держаться. В коляске — совсем простенькое, обитое неизменным дерматином. Две фары: одна со светомаскировкой, поменьше, вторая — большая, нормальная. Надо же, на два фонаря не поскупились, а на грузовиках военных всего одной фарой обходятся. Тут еще блюдце сигнала как третья фара. Спидометр на баке как у уважающего себя чоппера. Тоже «харлей», уважаю. А вот движок оппозитный, не классика — двухгоршковая «рогатка». И привод не цепной, а карданный, что вообще для меня удивительно. Но так у «немцев» было, на всяких «цюндапах» и «БМВ», — видать, решили воспользоваться удачной конструкцией. Да и сама рама мотоцикла выглядит солидно — явно усилена, «люльку» таскать. Насколько я помню по своей действительности, ленд-лизские «харлеи» под коляску плохо были приспособлены: раму вело у них, — а этот хоть куда, все продумано.

У переднего колеса инструментальный ящик, сумки из толстой кожи у заднего, с обеих сторон. Маленький багажник под запаской в коляске, но все же пара канистр и пара цинков патронов туда влезет.

Присел, заглянул под низ. От заднего колеса привод идет на коляску, так что с этим все в порядке. Тормоза и спереди, и сзади, все как положено: задний — ножной, а передний рукой включается.

— Заправляем? — спросил я, поднимаясь с корточек.

Завелся «харлей» почти сразу, я всего-то раз пять толкнул ногой рычаг стартера, вытянув подсос. Мотор рыкнул утробно, одинокая выхлопная труба выбросила облако сизого дыма, машина завибрировала немного и начала быстро прогреваться, так что пришлось заслонку почти сразу прикрывать.

— Ну что, вези давай, — заявил Василь Иваныч, забираясь в коляску. — И на таланты твои посмотрим, и меня покатаешь заодно.

Ну поехали, разберемся на ходу с коляской. Сам-то мотоцикл меня не пугает, а вот эта штука сбоку — странно как-то. Сцепление тугое, но ничего. Сиденье с амортизатором, кстати, и довольно удобное. Как зимой на нем будет — не знаю, но до зимы еще дожить надо.

Тяговитый мотор легко стронул мотоцикл на первой, поехал он прямо, хоть ожидал, что вправо потянет. Поворот налево тоже прошел без затей, коляска описала полукруг.

— Куда? — спроси я пассажира.

— Да в ворота давай, по улице прокатимся.

Караульные выпустили нас без проблем, и мы оказались на главной, Советской улице — той самой, по которой я вчера шел сюда из РОППа.

— Давай направо, до КПП сгоняем — и сразу обратно, — скомандовал Василь Иваныч.

— Сделаем, — уверенно кивнул я и чуть не заорал с перепугу, когда мне показалось, что мотоцикл собрался задрать коляску и прилечь набок, хотя ничего такого вроде бы не произошло.

Василь Иванович ехидно ухмыльнулся, заметив мою растерянность, но ничего не сказал.

Разгонялась машина без напряжения, передачи отщелкивались легко, прогретый мотор работал ровно, даже дыма почти не стало. Длинная подвеска глотала неровности хорошо.

Попробовал притормозить и вновь испугался — вбок машину немного потащило, хоть и удержал. Затем разогнал мотоцикл опять и опять притормозил. Ничего, можно приноровиться, нетрудно.

А ну-ка попробуем еще раз направо повернуть, только скорость побольше подержим. Выбрал переулочек, свернул в него, заранее готовый к тому, что коляска попытается задраться. Ощущение такое появилось, хотя колесо катилось по земле не отрываясь.

— Ну как? — спросил пассажир.

— Да нормально, денек покататься здесь кругами — и хоть куда можно катить, — ответил я уверенно. — Привыкнуть главное. Гонять тут все равно не придется, а так машина тяговитая. В грязи бы еще попробовать.

— А вон туда поверни — там пустырь на месте сквера и грязи сколько хочешь, — оживился от такой перспективы Василь Иванович.

— Как скажете, — согласился я.

Насчет грязи он не обманул: было ее хоть и не по уши, но хватало с запасом. Я даже притормозил, испугавшись в нее лезть. Подумал, затем все же плюнул на страхи, сказал сам себе: «Вытолкаем случ чего» — и врубил первую.

Привод на коляску не обманул: «харлей» поехал по раскисшей под дождем земле легко, как квадроцикл, при этом даже не стараясь развернуться в сторону правого колеса. Если бы не привод, то оно бы как тормоз сейчас работало, а так — только в путь. Правда, вот не знаю: если долго так ехать, движок не перегреется? Что я о «немцах» читал, помнится, так это то, что там специально с этим боролись.

— Нормалек, Василь Иванович! — проинформировал я его.

— Это ежу понятно, — кивнул он. — Для того привод и переделывали — нашелся сообразительный. Давай обратно, умеешь, вижу. Сдал экзамен. А в остальном правила движения здесь такие же, как и по ту сторону, так что проблем не будет.

— Понял, — кивнул я, резко свернул и все же умудрился задрать люльку вместе с седоком, хотя на этот раз уже умышленно, из чистого хулиганства.

— Карабин пристрелян по центру, пристреливал сам, лично. Дистанция примерно сто метров, то есть детская, — сказал усатый замбой, после того как мы на «харлее» выехали аж за КПП.

Норматив по стрельбе из нагана я сдал в тире, что в подвале учреждения, там же и разборку со сборкой, а вот для стрельбы из американского М1 выехали аж за городской периметр, пристроившись прямо на полосе отчуждения. Стрельбище оказалось очень уж импровизированным, но я решил не роптать. Тем более что мы были под присмотром из дота КПП, так что я заподозрил, что замбой выбрал это место из соображений безопасности: прикроют в случае чего.

— Окно на первом этаже видишь? — указал он толстым пальцем. — Ты мне пять из пяти попади в раму. Слева, не выше перемычки. Видишь?

— Темновато уже, — пробормотал я, затем спросил: — С упора?

— Эти пять с упора, — сказал замбой.

За упор отлично выступило заднее сиденье мотоцикла. Карабин был нетяжелый, в руках ухватистый, для диоптра света все же пока хватало, так что первые пять отстрелял без

проблем, совершенно разломав сухую деревяшку.

— Нормально, — кивнул тот. — Давай еще пять с колена в соседнее окно.

С этим тоже проблем не возникло, насчет хорошей пристрелки он не наврал, да и рама была широкой. И стрелок я неплохой. Не снайпер далеко, но вполне на уровне — охотник все же, да и в армии стрелял хорошо. В общем, раму тоже доломал. Как и ожидал, последним упражнением была стрельба из положения стоя, но и норматив был попроще, щадящий, так что и его сдал.

В довершение всего из укрытия метнул гранату, немецкую «толкушку» на длинной деревянной ручке, чем окончательно исчерпал список предъявленных ко мне требований.

Усевшись в коляску, замбой заявил:

— Документ готов?

— Должен быть готов: фотографии еще в обед сдал, — сказал я.

— Как получишь, сразу ко мне. Оружие запишу, боекомплект выдам.

Мотоцикл проехал через ворота накопителя, мы покатали дальше по грязной улице. Не удержавшись, спросил:

— А как-то просто у вас с оружием, а?

— В смысле?

— Ну пришел человек только вчера, никакой проверки — и сразу ствол выдали.

— Чудак-человек, — засмеялся усатый. — Стволов здесь и так пруд пруди, так что тут вопрос доверия не стоит, разве что ты его, казенный, на базаре продашь. Проверка тут только на умение, что ты соседа случайно не подстрелишь и себе пулю в ногу не закатаешь.

— А вообще проверка?

— Вообще? — покачал он головой. — За это ты не волнуйся, будет она еще. За тобой сейчас все время приглядывают. Важно то, что ты не под воздействием, к Тьме не склонился, если только в пользу какого дальнего города шпионить можешь. Но чего в Горсвете шпионить? Такие везде есть, и у всех одно и то же. Так что все нормально, не бойсь.

Я прибавил газу, разогнав машину. К вечеру я уже владел «харлеем» вполне нормально — все оказалось не так уж сложно. И к правым поворотам приноровился, и к вялому тормозу, а в остальном даже нравилось. И вроде уже при деле был.

Вообще, день был суетной. Пока добыл руководство на мотоцикл, пока инструмент получил, который запасливый Василь Иванович выдавал под учет, пока мне шкаф выделили, где я все мотожелезо сложил, — время так и шло. Попутно раздобыл мотоциклетные очки и синий рабочий комбинезон, который был куда как нужен. Техника по надежности до современной не дотягивала, в том же мотоцикле что-то постоянно требовало регулировки, а уж с машинами побольше возились постоянно, это мне механики сразу объяснили.

Обедал бесплатно, за талоны, в столовой, куда тоже сгонял на мотоцикле, да еще попутно двух мужиков с работы туда подвез.

Кормили неплохо, хоть и без изысков, вроде как в обычной рабочей столовой. Пюре жидковато, котлета суховата, суп терпимый, компот вроде ничего, но в принципе все съедобно. Фанатом такой жратвы не станешь, но и отплевываться до вечера потом не придется.

Замбой не обманул, и, когда я приперся к нему с документом, больше всего напоминающим не паспорт, а военный билет, он тщательно вписал туда тушью номера карабина и револьвера, после чего я получил оружие на руки, а заодно и боекомплект — тридцать патронов к револьверу и двести к карабину, а заодно четыре двадцатизарядных

магазина к нему. Еще выдали кустарного вида брезентовую подвесную, скорее даже разгрузку. Не ах, но нормально, будет куда магазины и прочее рассовать — даже рюкзак небольшой имеется.

Гранат никаких не дали, замбой сказал:

— Гранаты, каски и прочее — в оружейке, выдают дежурным мотомангруппам. А это забирай.

— А как потом со всем, когда домой пора? — чуть растерялся от неясности.

— Можешь на склад сдавать, можешь с собой уносить, — пожал он плечами равнодушно. — Оно на тебе числится — ты за него и в ответе. Большинство карабины с автоматами сдает, а короткоствол с собой уносит: с ним в общественные места ходить не запрещается.

— Так... — кивнул я, выслушав его. — А теперь мне куда?

— В ПБУ иди, к Антонову, тебя еще к группе прикрепить должны. А дальше уже сам все поймешь.

— Понял, спасибо.

Дальше я как по рельсам покатился. На ПБУ было все так же суетно, да еще и накурено — даже открытые окна не справлялись с оттоком табачного дыма. Кто-то ругался по телефону, двое переставляли флажки по карте, а один громко читал им какой-то список с адресами, Антонов же изучал бумаги в папке. Увидев меня, лишь спросил, получил ли документы и оружие, а затем отправил меня вниз, на первый этаж.

— Караулка дежурной мотомангруппы, с караулом Горсвета не перепутай. Командира зовут Серегой Власовым, ему представишься. А остальное уже объяснят. Да, к слову, ты сегодня никуда не уходишь — так с группой на сутки и остаешься. Понял?

— Так точно.

— Тогда подгоняй мотоцикл к их сектору: там покажут, где машины дежурной группы, — и дуй к ним.

— Есть.

На первом этаже обнаружилось аж две караулки, находившиеся рядом. Я вошел в ту, в которой на двери были написаны буквы «ММГ», и наткнулся на Федора Мальцева.

— О! Вован! — поприветствовал он меня. — К нам определили, что ли?

— Похоже на то: с вами на сутки остаюсь.

— Нормалек! — обрадовался он. — Я к Антонову бегал, просил, чтобы с нами поставили.

— А Власов здесь кто? — спросил я. — Мне бы доложиться надо.

— Я Власов, — сказал среднего роста круглолицый мужик, подходя к нам и протягивая руку. — Мотоциклист?

— Ага.

— Отлично, ввели в штат, значит. Пойдем, покажу где что и с пулеметчиком познакомлю.

Караулка, как оказалось, состояла аж из трех комнат. В первой, в которую вошел, народ отдыхал и книжки читал, во второй спали, хоть бодрствующей смены здесь не было, на вызов кидались всей толпой, оставляя одного дежурного на телефонах, а третья комната была тесной, закрывалась решеткой и была оружейкой.

— Карабин при себе держи — он твой постоянный, — объяснял Власов, — а вот гранаты, очки, шлемы, пулеметы — это все здесь хранится и переходит от дежурной группы

к сменяющей.

Он обвел рукой целый ряд незапертых оружейных пирамид, затем открыл одну из них.

— Видал? Тут гранаты к карабинам... — Он указал на плоские ящики. — А, у тебя «американец», гранат не предусмотрено, — бери ручные. В той пирамиде пулеметы, очки из шкафа берешь... а, у тебя свои есть, хорошо. Без очков на выезд нельзя: можно нарваться. Подвесную получил?

— Ага.

— Три «лимонки» и три немецких «толкушки» берешь и вот так их распределяешь, — показал он на себе. — Загружайся, потом пойдем и пулеметчика покажу.

Пулеметчиком оказался Паша — тот самый, что ехал вчера со мной в «пепелаце». Обрадовался, поздоровались.

— Мобильную огневую точку решили добавить, а то иной раз не хватает поддержки с фланга, например, — объяснил он суть нашей совместной службы. — Все пулеметы на грузовиках, а если кто серьезный полезет или сразу кучей, то прикрыть некому. Ну и разведка по маршруту.

— Какой из меня разведчик, если города ни хрена не знаю? — поразился я.

— Я знаю — буду подсказывать. А вообще, надо учить где что: в нашем деле чуть не самое важное. Чай будешь?

Я покосился на внесенный откуда-то самовар и решил не отказываться.

— На будущее ты обзаводись теперь своей кружкой, вилок-ложкой и прочим, мы с дежурства не отлучаемся — тут едим. Ты с сахаром пьешь?

— Две ложки.

Паша кивнул, сыпанул в алюминиевую кружку пару ложек сахара, плеснул заварки, залил все кипятком из самовара:

— Держи.

— Ага, спасибо.

— Вон диваны, вон полка с книгами — в общем, располагайся. Сухари к чаю вон, в вазе. Нам до десяти утра дежурить.

— А вызовы часто?

— Часто, так что не расслабляйся. А чем ближе зима, тем больше вызовов.

— За периметр? — спросил я, усаживаясь на большой диван из неизменного бурого дерматина и отхлебывая из кружки.

— Смеешься? — удивился он вопросу. — За периметром все дела днем делаются, там только плановые. А ночью мы по экстренным вызовам, то есть внутри периметра.

— Так вы же здесь все светите вроде? — удивился я.

— Все не просветишь. А бывает так, что за сутки пробой в какой-нибудь подвал. То может месяц простоять без проблем, разве что травка пойдет, а то сутки — и какая-нибудь страхолюда лезет.

— Народу много гибнет? Ну в городе, в смысле гражданских.

— Не очень, — ответил Паша, присаживаясь на диван напротив. — Тут к такой жизни привыкли, так что не нарываюся. Бывают уж совсем дураки — из новичков чаще всего, — что могут ночью гулять пойти, такие долго не живут. Дома везде как крепости, подвалы даже просвеченные все равно запирают хорошо, так что мало гибнет. Мало. Ну и мы реагируем быстро.

— В частном секторе никто не живет?

— Почему же, живут. Колхозники, например. Жратва-то откуда? Но они же тоже знают, что к чему. Каждый день обход с фонарями по всем закоулкам, деревни строят тесно, огородами наружу, а между домами — заборы с колючкой, вроде как замыкают периметр. Привыкли. Кстати, пробоев никогда в трюмах не случается.

— В трюмах? Каких трюмах? — не понял я.

— В обычных, судовых. Если судно на воде стоит, правда, и к пристани не вплотную. Хоть метр промежутка — и можешь про фонари забыть, ни одна тварь не заводится и даже травка не растет. И чтобы дна не касалось: если на сваях — то уже не работает.

— А чего не живут? — удивился я.

— А на кой ляд? Переселись на реку — про город забудешь, а тут тогда такое разведется, что хоть не возвращайся: будет как в пустых городах — на каждом шагу дрожись. На реке ведь всю жизнь не проживешь. Ну а пока здесь живем, то вынуждены чистить, ну и какой-то порядок поддерживается. Расслабляться просто не надо.

— Правильно, наверное, — согласился я с ним.

И верно, начнешь от опасности уходить все время — в привычку войдет. Это правило всего касается, не только местной ситуации.

В комнату вошел Федя, спросил:

— Чего, знакомы уже?

— Вчера познакомились, — кивнул Паша.

Федя хотел еще что-то сказать, но тут под потолком заливисто заголосил школьный звонок и замигала красная лампа. А вбежавший в комнату Власов, крикнул:

— Тревога! По машинам, в подвале «Победы» пробой, кто-то вылез. Предположительно «пионеры»!

Тут все замельтешило, загрохотали сапоги по полу. Побежал вместе со всеми по коридору, на ходу закидывая карабин за спину и надевая шлем. Двор встретил нас холодом и темнотой, разгоняемой к забору светом электрических фонарей и мелким дождиком, видимым только в их свете, и машины влажно блестели. Не обращая ни на кого внимания, я щелкнул тумблером зажигания, топтанул рычаг стартера. «Харлей» послушно завибрировал, готовый нестись куда угодно. Подбежал Паша с пулеметом в руках и большим рюкзаком за спиной, сам на себя не похожий в больших летных очках.

— Эй, Володь, определяй боекомплект, — сказал он, сваливая тяжелый рюкзак на коляску.

— За запаску тяни — там багажник.

Пулемет у него был знакомый — самый обычный РПД, какой у нас появился сразу после войны, только вместо круглого барабана с лентой под ним висела квадратная сумка из толстого брезента с обитой металлом горловиной. Патронов на двести, не меньше, если прикинуть. Сошки с лязгом водрузились на вертлюг, Паша уселся в тесную коляску, выругавшись.

— А чего ты хочешь? — удивился я. — Тогда народ поменьше был: средний рост метр семьдесят. А ты вон вымахал.

— И теперь мучайся. Хреновая была идея меня с тобой посадить — надо кого поменьше.

Взревели моторы грузовиков, распахнулись ворота из парка на Советскую.

— Давай вперед — и сразу налево, — сказал Паша.

Мотоцикл утробно рыкнул движком и дернул с места, проскочив в ворота. Следом

покатил испятнанный камуфляжем «мерседес», переделанный под перевозку личного состава. Он был словно очень большой легковой кабриолет с несколькими рядами сидений — высокий, длинный и массивный. В нем сидело человек восемь, а сверху над ним возвышалась турель с трофейным МГ-42. Замыкал маленькую колонну второй грузовик, со странной угловатой кабиной, где лобовое стекло словно было завалено вперед — то ли чтобы бликов не давать, то ли зачем-то еще, я так и не понял. В кузове у него пристроился еще один пулемет — на этот раз старичок «максим» на треноге, способный тарыхтеть часами, лишь бы воду меняли, а на прицепе за грузовиком болтался передвижной генератор.

— Это что за машина замыкающей? — спросил я у Паши.

— Осветительной называют, — крикнул он.

— Не, это я понял. Марка какая?

— «Шевроле» канадский какой-то, забыл индекс.

— А че колесной брони у вас нет?

— Мало ее, все гусеничная больше, а сам понимаешь: начнешь на ней по городу гонять — и хана всем улицам. Да ничего, так обходимся, броня нужна, больше чтобы с людьми воевать. Вон там направо сворачивай.

Улица была совершенно пустынна, разве что из отдельных зарешеченных окон в домах наружу пробивался тусклый свет. Светило там явно не электричество, а, как и везде, керосинки.

— А что за «Победа» такая, куда мы едем?

— Кинотеатр. Там работников мало, а подвалы под ним здоровенные. То ли ленятся ежедневно с фонарем обходить, то ли страшно там кому-то, такое тоже часто бывает. Вот и заводится у них. А потом ночной сторож в панике трезвонит.

— А что за «пионеры»?

— Да твари какие-то мелкие, с десятилетнего ребенка. Их впервые на территории Дворца пионеров увидели, вот и прозвали.

— Опасные?

— Естественно, — усмехнулся он. — Все, что из Тьмы приходит, для человека опасно по-любому. У него, собственно, иной цели и нет, кроме как на людей нападать.

— А животные?

— Редко. Бывают какие-то твари, что сожрать могут и корову, например, но редко и не в городе. Они же людьми не питаются, там что-то другое.

— Что? — не понял я.

— Да пес его знает — похоже, что просто война у них с нами, — сквозь зубы сказал Паша. — Некоторые говорят, что питаются они вообще душами, от этого не жрут, а просто рвут в клочья. Вон там, за кафешкой, опять направо. Тут близко уже, минута от силы.

Свет от двух фар — на коляску за сегодня смонтировали еще одну, на поворотном кронштейне — выхватил из темноты надпись «Кафе», решетчатый забор, деревья какого-то скверика, затем в пятне света опять запрыгала грязная дорога.

— Вон там, четырехэтажный дом, видишь? Он и есть «Победа», вплотную не подъезжай. И про очки не забывай — вообще их не снимай.

Сам Паша при этом выглядел очень настороженным, руки от пулемета далеко не убирал. На «мерседесе» за спиной включили сразу два прожектора, пошарив лезвиями их лучей сначала вокруг, потом направив на здание. Я заметил, что один из прожекторов спарен с пулеметом. Тоже разумно: как заметил что — так и жми на спуск.

Грузовик с генератором объехал их слева, остановился, два бойца замерли у «максима», тоже с подсветкой, еще четверо прыгнули, настороженно оглядываясь, и начали быстро устанавливать легкие треноги с лампами. Затарахтел генератор, вспыхнул свет, осветив все подступы к нашей стоянке.

— И что, оно на свет не лезет? — задал я очередной наивный вопрос.

— Свет им уже по хрен, ну разве что неудобство малое, — ответил Паша. — Просто мы их заметим, если кинутся.

— А я думал, что фонарики только светом воюют.

— Светом профилактику делают, Тьму не пускают. А если прорвало, то уже простыми средствами. Так что, уважаемый, будь готов к ведению огня, понял?

— Как скажешь, — сказал я, глуша двигатель и перетаскивая карабин из-за спины.

Растерянным выглядел один я, остальные действовали четко, как будто дирижер всеми командовал. Две машины образовали настоящее укрепление, уставив в стороны стволы пулеметов, три пары автоматчиков выстроились перед ними. Я обратил внимание, что у каждого под стволом было по довольно серьезному фонарю, скорее даже мини-прожектору, кабель от которого тянулся за спину, в ранец каждому.

— Паш, а че у них за кабели от фонарей?

— Батарейки у нас паршивые — кустарщина, садятся быстро, так народ большие носит, в рюкзаках — аккумуляторы настоящие, чтобы надолго хватало и луч был сильный.

— Паш, а «пионеры» эти самые точно здесь? Чего им по городу не разбежаться?

— Если утра дождутся, то разбегутся точно, а поначалу твари чаще всего у места входа крутятся, — ответил он, продолжая осматриваться по сторонам. — Но вот поблизости засаду устроить уже могут вполне. Увидишь что темное идвигающееся, и не со стороны кинотеатра, — стреляй сразу, людей в это время на улицах нет и быть не может. Одни патрули, но они на машинах и со светом. От «Победы» кто-то из наших подойти может, так что сперва разгляди.

— Понял, — кивнул я, преисполнившись серьезности момента.

Пары стрелков-фонариков двинулись в сторону кинотеатра. В головной топал Федя Мальцев. Власов, как я заметил, с ними не пошел — стоял в «опеле» возле пулеметчика.

— Паш, а мне такой фонарь не нужен?

— А хрен его знает, потом у Сереги Власова спросишь. Нужен, наверное. Мне вот фары пока хватает — я на прикрытии, вперед не рвусь.

Он ухватил фару-искатель за маленькую круглую рукоятку на корпусе, пошевелил из стороны в сторону.

С грохотом распахнулись большие входные двери в кинотеатр, группа вошла внутрь. Сразу же еще два бойца потащили в ту сторону треноги с фонарями, за которыми разматывались с катушек линии кабелей. Установили их сразу же за дверями, осветив вестибюль. Меня окликнул Власов:

— Бирюков, слезай с коня, двигай к тем двоим, что с фонарями, — поможешь, случись чего.

— Есть, — сказал я, поняв, что отсидеться в тылу не получится.

Первый фонарь освещал небольшой зал, где были окошки билетных касс. Из этих самых окошек тоже светило, и в одном я увидел испуганное лицо средних лет мужика. Он, видать, и был местным сторожем, помещение у него вполне безопасное — в окошко человек не протиснется, да и оно в решетки взято.

Дальше был зал посерьезней — длинный, мощности установленных фонарей хватало, чтобы осветить его примерно до середины, дальше уже начиналась настоящая мешанина теней, в которой было уже ничего не разглядеть. Один из бойцов у фонарей обернулся ко мне, сказал:

— От осветительной прожектор сюда еще притащи, будь другом, а то не хватает. Хотя нет, стой за меня, я сам.

Я встал на его место прямо за фонарем, рассудив, что он прав, а то хрен его знает, где этот прожектор брать и куда тащить. Вообще, меня несколько удивляла такая манера обучения нового сотрудника. Понятно, что лучший способ научить плавать — бросить в воду, но это при условии, что утонет сам, а не потопит кого-то еще. Если я склонен к панике, например, то могу открыть пальбу куда не надо и попасть по своим. Или это из-за того, что меня водилой взяли и воевать я вроде и не должен? А Власов решил меня обкатать немного, а заодно и присмотреться. Место тут все же не на острие главного удара, попроще.

Боевая группа стояла у дверей в зал, явно чего-то ожидая — словно сигнала какого-то. Вернулся отошедший «осветитель» с прожектором на треноге, установил его. Мощный луч света осветил зал ожидания до самого конца, где был буфет, — судя по всему, тени метнулись в стороны. Боевики засуетились, двери в зал распахнулись, и их группа быстро и бесшумно вошла внутрь. Было тихо.

— Точно ведь в подвал лезть придется, — вздохнул один из осветителей — молодой парень с модной бородкой «готи». — А не хочется...

— Это наверняка, подвал здесь хоть куда — на все здание, — кивнул второй. — А на хрена кинотеатру такой подвал? Что они там хранить будут — коробки с фильмами?

— Старое здание, сначала для чего-то другого его строили, — сказал я, оглядевшись по сторонам. — Подвал в наследство остался.

— Может быть.

— Кстати, а электричества тут почему нет? — спросил я. — Они кино как показывают, свечку в проектор вставляют?

Мужики переглянулись, тот, что постарше, ответил:

— Этот, — ствол его карабина указал на окошко билетной, — этот сказал, что генератор позавчера на ремонт увезли, кино два дня не крутили. И фонарь, с которым подвал обходили, у них тоже от генератора. Вот и забоялись вниз лезть. А электричество сюда пока не дотянули.

— А вызвать фонарщиков их жаба задавила? — хмыкнул молодой.

— Это деньги платить надо, — пожал плечами старший.

— Деньги? — удивился я. — У нас тут что, платная операция?

— Не, мы на халяву работаем. Платное тогда, когда ты сам можешь сделать, а не делаешь — вызываешь. От других, важных работ отвлекаешь, и все такое. Тогда плати.

— А наверху что? Туда эти самые «пионеры» убежать не могли?

— Там люди живут, — значит, решетки, и тревоги никто не поднимал. Вахта на месте сидит, докладывает, что там никто не пробежал. В наши дома так просто не прорвешься.

Это точно, я уже по общаге своей убедился. Заходишь через накопитель, вестибюль решеткой отделен, которую с темнотой запирают. На случай тревоги можно еще каждый этаж отдельно заблокировать. Не пошалишь особо.

Мирная беседа оборвалась резко: из зала затрещали автоматные очереди, раздался чей-то длинный и пронзительный визг, явно нечеловеческий, от которого меня, непривычного,

мороз по коже подрал. Кто-то закричал, командуя, затем грохнула граната, судя по несильному взрыву — германская «толкушка». Потом стрельба затихла, вспыхнула вновь — и опять заткнулась.

— Хана киношке, все разнесут, — сказал молодой, подняв приклад к плечу и настороженно оглядываясь.

— Похоже на то, — согласился с ним старший, после чего обернулся ко мне: — Новый, смотри в вестибюль: если какая тварь выскочит, то это уже наша работа.

Чтобы не перекрывать сектора, я опустил на одно колено, взяв карабин на изготовку, напряженно вглядываясь в зал. Спросил, не выдержав:

— А из наших сюда никто выскочить не может?

— Не должны, — с неким оттенком сомнения сказал старший. — Знают, что пальнуть можем.

— А в подвал вход где?

— За сценой, прямо в зале, — указал оружием старший. — Было бы все как у людей — было бы проще, а тут не пойми как построено.

— Да точно это не кинотеатром было, вот и получилась такая фигня, — сказал я. — Подвал-то для всего дома, а первый этаж под киношку потом выделили. Ну вход и переехал куда не надо.

— Эй, мужики! — послышался из кинозала голос Федьки. — Слышите?

— Чего? — насторожился старший.

— Мы в подвал полезли. Двух «пионеров» мы грохнули, но еще несколько вниз ушло, дверь открыта почему-то! Так что вы там повнимательней, ага?

— В зале кто остается?

— Некого оставлять, иначе в подвале не справимся. Выход оттуда только перекроем и на противоходе вдругорядь зачистим, ага?

— Ясно, — ответил старший осветитель, помрачнев.

Затем он обернулся к выглядывающему из окошка билетной сторожу и спросил злобно:

— Какого хрена дверь не заперта, а?

— Да запираю я, на засов! — обиженно заголосил тот. — Там засов в конский хрен толщиной, никак они оттуда выбраться не могли!

— А выбрались как? — с ехидством уточнил осветитель.

— Да откуда я знаю! Я перед заступлением специально дверь проверял, все на месте было — и засов, и замок!

Молодой толкнул слегка старшего, сказал:

— Чуешь, Федулыч? Опять такая же фигня. Что у первой группы месяц назад, когда на вещевом складе, что на Крылова, задняя дверь открытой оказалась, какую уже лет десять никто не открывал, что у Тимохи, помнишь?

— Точно, что-то новенькое... — подумав, ответил старший. — Двери сами открываться стали, если сторож нам не врет. А не брешь, харя? — крикнул он сторожу.

— Да пошел ты! В жизни не врал, — сбившись на фальцет, закричал из окошка оскорбленный хранитель кинотеатра.

— Ну это ты гонишь, — усмехнулся Федулыч. — Святой нашелся. С вами еще разберутся, с генераторами вашими, с обходами помещений, с тем, как вы на фонариках экономите...

Сторож надул и скрылся в своей билетной, не желая продолжать так обидно

поворачивающийся для него разговор. Мы тоже замолчали, продолжая вглядываться в вестибюль, в котором все равно оставалось множество непросматриваемых мест. Вскоре до нас донеслась активная, но приглушенная стрельба, вскоре затихшая.

— Еще кого-то накрыли, — пробормотал молодой с бородкой.

— Накрыли, — кивнул старший с чуть преувеличенным оптимизмом, явно старательно избегая продолжения в виде «или кто сам накрылся».

— Я, может, глупость спрошу, но у меня образование, сами понимаете, из фильмов ужасов, — заговорил я шепотом. — Эти самые «пионеры» — они от пуля нормально дохнут? Не надо там только в определенное место или еще как?

— Нормально, только не так нормально, как люди, — ответил старший. — Где тебе пуля нужна, им не меньше трех. Но если в башку изловчишься, то и одной хватит, это уже как у всех. И еще момент такой: пока он не свалился и не сдох — он опасен.

— А чем нападает? Ну зубами там в смысле или топором каким?

— А хрен его разберет, если честно, — подумав, ответил собеседник. — Когтями вцепляется так, что мало точно не покажется, и полосует как кот, но по ходу че-то еще делает, прямо жизнь тянет. Кое-кому доводилось с такими в рукопашной сойтись: говорят, что в глазах сразу темнеет, начинаешь сознание терять, — в общем, если сразу не отбился, то секунд через пять ты уже не боец.

Мне показалось, что я увидел какое-то движение. Вдали, у самого буфета, но такое смутное, что даже не был уверен, показалось на самом деле или я просто подумал, что мне что-то показалось. Огляделся на соседей, но они ничего не заметили.

Нет... вроде как движется. Наверху. Я не движение вижу, а край тени, скользящий по торцевой стене. Что-то перемещается прямо по потолку, скрытое от нас перекрытием прямоугольной арки, какие рассекали гладкий потолок вестибюля в нескольких местах.

До этой секунды я воспринимал все отстраненно, словно меня здесь и нет, мозг пока не свыкся с реальностью происходящего вокруг, но вот это малозаметное движение словно какую-то заслонку в голове открыло. Я почувствовал, что все это на самом деле. Дыхание зачастило, спина похолодела, даже руки задрожали слегка. Просто страшно стало. Банально страшно, без всяких примесей — чистый, сильный и давящий страх.

— Че-то есть там, — сказал я негромко, переведя дыхание.

Федулыч с молодым молчали минуты две, всматриваясь, но так ничего и не увидели. То, что двигалось, — а я уже был уверен, что так и было, — замерло.

— Не, нет ничего, — сказал молодой тихо.

— На потолке, — уточнил я. — Эти самые «пионеры» по потолкам умеют лазить?

— Никто не умеет, — решительно сказал старший. — Они как люди, некоторые — как обезьяны. Если есть за что зацепиться, то могут залезть куда хочешь, но по гладкому потолку — без вариантов.

— Семин говорил, что вроде видел, как мартыхай по стене на потолок забрался, помнишь? — спросил молодой.

— Семину верить — себя не уважать, — отмахнулся старший. — Второго такого трепача на весь Отстойник не найдешь.

— Это верно, — не слишком уверенно согласился младший.

А я задумался. С одной стороны, со мной люди опытные, знают, что говорят. Если бы была вероятность того, что там что-то есть, то сходили бы проверить. Или еще что сделали. Но тут такой момент: если что-то сидит на потолке, а все уверены, что так быть не может,

то... ну пойдет Федя со своими обратно, а что-то им свалится прямо на голову. Или что другое. Или оно затаится, а потом сбежит в город.

— Может, проверим все же? — спросил я.

— Мы от фонарей отходить не имеем права, — сразу отговорился старший. — Ни на шаг. Бывало уже, что твари старались нас без света оставить, а если так выйдет, то у нас шансов ноль.

Чувствуя, что совершаю глупость, но не в силах удержаться, я сказал:

— Я бы сходил, если прикроете.

Так вот, правильно, борьба со страхом путем парадного марша ему навстречу. Идиотизм в чистом виде — решение, принятое воспаленным мозгом, в котором все смешалось в кучу, а потом переварилось в кашу. И теперь я вдруг вызываюсь добровольцем. Молодец. Медаль мне и орден Сутулого, с закруткой на спине. Инициатива поимела инициатора.

— Прикроем, — с готовностью сказал старший, поудобней укладывая прямо на фонарную треногу свой карабин. — Шагай. Не бойсь.

В его голосе послышалось заметное облегчение, и я заподозрил, что от фонарей им отходить все же можно. И, возможно, даже нужно — просто они не очень хотят это делать.

— Ага, прикроем! — засуетился и младший.

— Ну... схожу, — кивнул я, чувствуя, что сам себя загнал в безвыходное положение и деваться уже некуда.

Пошел я медленно, вслушиваясь в каждый свой шаг, удерживая приклад у плеча и водя стволом «американца» из стороны в сторону. Шаг, еще, десяток шагов, два десятка... Каменный пол слегка поскрипывал под резиновыми подошвами сапог. Фонари светили в спину, и моя длинная тень расчертила собой все свободное пространство впереди, шевелясь в такт движениям.

Действительно, чего полез? Сказали же русским языком, что по гладкой поверхности ничего карабкаться не может. Ну сам себе попробуй объяснить, кто и как может зацепиться за гладкий потолок у меня над головой? Муха разве только. Люстры на нем висят простенькие, маленькие, за такую кошка уцепится — сразу на пол грохнется. Нет, погнал я что-то со своими подозрениями, надо было на месте стоять и никуда не ходить.

Стоп, стоп, что-то я очень удачно самому себе все объяснил и сам себя уговорил. Если пошел, то иди. Если там ничего не может быть — так иди тем более, чего ты тогда боишься так, что волосы шевелятся. Я даже дышу через раз, с присвистом. А почему? Потому, что где-то в глубине самого себя уверен — там что-то есть. И оно меня ждет.

Вернуться? А если оно кинется на выходящих, то они отобьются, народ там опытный, вооруженный, чего сразу я? И не молчал, сигнализировал, а вот старший и опытный товарищ верить отказался. Не принял во внимание, отнесся халатно. И моя хата с краю.

А если кого-то порвут? Это же прямо на голову: там тоже дверь, и они там выйти могут. А если именно Федьку, который у меня пока здесь за единственного товарища? А я «сигнализировал»?

Еще пара метров позади и еще... Вперед продвинуться, как раз до уровня открытой двери, там присесть — и я, пожалуй, сумею разглядеть, что там, за перекрытием арки. И совет помню стрелять по всему, что увижу.

Я даже начал на ходу сгибать колени и пригибаться, стараясь оказаться как можно ниже, почти в полуприседе шел уже. Еще чуть-чуть, немного... нет, пока не видно. Вижу темный зал кинотеатра, освещенный лишь бликами от наших фонарей. Длинные ряды сидений,

уходящие в темноту. Фанерные боковины с кривовато написанными номерами рядов, поднятые сиденья.

Как-то неуютно оставлять эту дверь сбоку, а то и вовсе за спиной. Кажется, что стоит ее пройти — и из темноты появится непонятная злобная тварь и бросится на спину. Как это они умудряются «саму жизнь тянуть»? Бр-р, даже представить не получается, плечи сразу зябко передернулись.

Ствол влево, на арку, затем направо, на дверь в зал. Если кто-то лезет по потолку в вестибюле, почему он не может лазить по потолку темного зала? Боевые группы могли туда и не глянуть, наверное. Вернуться? Затребовать помощь? Крикнуть, чтобы кого-то прислали?

Кричать страшно. Крикнуть хочется так, что в голове звенит, но кажется, что стоит нарушить воцарившуюся тишину — и это как сигнал будет: на меня бросятся со всех сторон.

В полной растерянности я продолжал крутиться на одном месте, не в силах хоть что-то решить. Куда дальше? Что делать?

Тень шевельнулась. Опять шевельнулась там, за аркой, почти незаметно. Словно выпуклость на темной грани тени, отбрасываемой аркой на дальнюю стену, сдвинулась. Но сдвинулась на этот раз явственно, по-настоящему, там что-то есть, и это что-то шевелится.

Назад, пятясь, плевать на храбрость. Возвращаюсь к фонарям, а уже там поднимаю шухер. Стрелять начну в конце концов в ту сторону, постараюсь спугнуть, заставлю себя проявить — «пионер» оно или вовсе «октябренок» со звездочкой, где козлиная голова в пентаграмме.

Чуть повернувшись, я боком, по-крабьи начал медленно пятиться назад, ожидая крика от фонарей: «Очканул, новенький?» — но там молчали. Где-то в самом верху моего поля зрения что-то неуловимо изменилось, что-то произошло, что я уже увидел, но не смог с помощью набора шаблонов, хранящихся в моем мозгу, хоть как-то классифицировать. Поэтому мозг выдал сигнал «Опасность!» со значительным опозданием.

Рука. Я даже не сразу понял, что это именно рука. Оно было черным и словно окутанным облаком черного, как сажа, дыма, сразу растворяющегося в воздухе бесследно. Эта рука ухватила за верх двери с неправильной стороны, тут же вторая, подтягивая за собой нечто столь же темное, дымное, непонятное. Оно перелезало через притолоку, как через забор, с потолка или стены зала на потолок вестибюля. И замерло, уставившись на меня.

Я не видел лица, не видел глаз, не видел ничего, кроме смутного черного клубящегося силуэта, но я понял, что оно не просто смотрит на меня — оно смотрит в меня, внутрь, на что-то, чего оно бесконечно и жадно алчет. Как душу действительно тянет этим взглядом.

Дальнейшее произошло быстро. Я вскинул ствол карабина, а тварь, подобравшись, распрямилась пружиной, оторвавшись от стены, и, причудливо изогнувшись в воздухе, словно изменила верх и низ, прыгнув сверху, но падая уже вниз, на меня.

Я не выстрелил, потому что не успевал. Я лишь изо всех сил прыгнул назад, наткнувшись на что-то ногами, споткнулся и завалился назад. Это, кажется, меня если и не спасло совсем, то уберегло от первой атаки твари. Сильный удар выбил карабин из рук, затылком я приложился о что-то твердое так, что искры из глаз посыпались, потом свалился с чего-то на пол, увидев, как темная фигура отскочила в сторону, снова собравшись в темный ком, напружинившись. Дохнуло могильным холодом и... Тьмой. Я не знаю, как я понял, что это именно она, — просто осознание контакта пришло мгновенно, ясно, как вспышка, когда я даже не успел свалиться окончательно на каменный пол.

«Да стреляйте же, придурки!» — хотел крикнуть я, но не крикнул: все равно эта длинная, как эшелон, фраза не могла бы уместиться в тот крошечный отрезок времени, который был мне отпущен на то, чтобы дожить остаток жизни или попытаться ее продлить.

Я ощутил, как правая ладонь упала на кобуру револьвера, пальцы судорожно заскребли крышку, чувствуя, как не дается, как не идет ко мне тяжелое стальное тело нагана, такое сейчас желанное.

Темная тварь прыгнула вновь, перемахнув через низкий столик, о который я споткнулся. Но я все же исхитрился принять ее на ноги, отталкивая в сторону.

Она была нетяжелой. Как ребенок, как... пионер, черт бы ее взял. Холод, волна могильного ужаса, пронзительное шипение, уходящее в ультразвук, но тварь кубарем покатила в сторону, подскочила по-кошачьи ловко, приземлилась на четвереньки, но моя правая рука уже рвала из кобуры наган. Вновь прыжок — молниеносный, стремительный, как черная молния, но я опять успел лягнуться ногами, остановив атаку, хоть отшвырнуть тварь не удалось. Она поднялась на ноги, поднимая вверх передние конечности, но что должно было случиться после этого, я уже так и не узнал.

Когда ствол револьвера выбросил первую вспышку, я даже не понял, что именно произошло. Еще выстрел, еще... рукоятка толкалась в руку, тварь заваливалась назад, пронзительно визжа, а я даже не понял, что стреляю я сам, мое тело защищает меня, владельца тупого и медленного мозга, который так плохо и неправильно соображает.

Какой-то момент схватки совершенно выпал из памяти. Я помню только себя, бросившего пустой револьвер и подцепившего с пола карабин, пытающегося убежать от дергающегося «пионера», или кто бы это ни был.

Мне кричали, но сознание даже не фиксировало криков — лишь подталкивало к продолжению бегства. Откуда-то я уже знал, что вторая тварь свалилась с потолка и стремительно приближается ко мне, а я даже не могу остановиться и оглянуться.

Вспышки выстрелов, звук сломанных сухих досок, испуганные лица Федулыча с молодым, палящих из карабинов. Я все же остановился, оборачиваясь, вскинулся на колени, поднося приклад к плечу, увидел, как пули осветителей выбивали темные облачка из корчащегося тела.

Вторая тварь проявилась через мгновение. Она скакала по стене. Скакала на четвереньках как по полу, отрываясь мощным и длинным прыжком от вертикальной поверхности, презирая законы тяготения, и туда же возвращалась, чтобы оттолкнуться и прыгнуть вновь.

На этот раз я помнил, как вскидывал оружие, и делал это уже осознанно. Откуда-то из глубины души поднималась какая-то веселая злость, загоняя под лавку страх и панику. Я даже позволил себе роскошь прицелиться, прикинув, где завершится следующий прыжок, и, когда «пионер» коснулся стены, нажал на спуск.

Карабин часто забился у плеча, с дульного среза срывалось тонкое пламя, пули выбили куски штукатурки вперемешку с облаками тьмы, сбили прыжок. Тварь свалилась на пол, на наш, понятный и нормальный пол, тот, что под ногами, перекатилась в сторону, собрав на себя целый рой пуль, выпущенных из трех стволов, задергалась уже в агонии и приняла в себя остаток магазина, который я выпустил в нее за секунду, наверное.

Потом я побежал к фонарям, чуть не столкнувшись лбами с Пашей, ворвавшимся со своим РПД наперевес. Затем были крики, с улицы заскочило еще двое бойцов, и с ними сам Власов. Потом опять была стрельба по смутному темному силуэту, метавшемуся в конце

зала, за буфетной стойкой, которая разваливалась на глазах под нашим огнем.

Затем была зачистка самого кинозала, с гранатами и стрельбой, но я уже в ней не участвовал. Я стоял в вестибюле, на том самом месте, где подобрал выброшенный наган, и следил за дверями, а рядом со мной с сопением устанавливали свои осветительные треноги Федулыч с молодым.

Когда все завершилось окончательно, я подошел к убитой твари, той самой, что бросилась на меня первой. Присел, разглядывая.

— Даже не пытайся детали разглядеть, — сказал Паша, подошедший ко мне. — Они по сути своей Тьма, и она их укрывает.

Действительно, тот самый слой клубящейся темноты так и прикрывал тело, не давая разглядеть ничего — только размытый силуэт. Руки, ноги, почти человеческое сложение, но все чуть-чуть другое. И все, больше ничего не видно. Я даже помахал рукой, пытаюсь разогнать клубы темноты как дым, но лишь ощутил холод, увидеть что-то под этим покрывалом не получилось.

— А потом?

— Он скоро развалится. Развоплотится даже. Превратится в такой вот дымок, который разойдется без остатка, а на этом месте будет темное пятно, которое ничем не отмоешь.

Стало шумно, суетно. Привезли испуганного и явно только что разбуженного директора кинотеатра, крутились еще какие-то люди, которых Паша назвал дознавателями и которых явно побаивался директор. Приехал кто-то еще, облаченный какой-то властью, которую требовалось применить именно здесь и именно сейчас, а нам Власов дал команду сворачиваться.

У мотоцикла ко мне подошел Федя, возбужденный. Весь какой-то на шарнирах, дерганный, нервно посмеивающийся и жадно курящий папиросу:

— Видал, а? Ты такое когда-нибудь видал?

— Где? В Москве? — криво усмехнулся я.

Меня самого здорово трясло, аж ноги подгибались, отходняк был серьезный.

— А, ну да... — кивнул он, вновь жадно и глубоко затянувшись. — Они в подвале на нас с потолков тоже кидаться начали. Хорошо, что вы палить начали, «пионеры» задержались, напали рано, ну мы их и покосили первых. А потом гранатами. А если бы чуть дальше прошли — триндец группе, никто бы оттуда не вышел.

— А посмотреть на потолок?

— На тебя хулиганы когда-нибудь с потолка нападали? — чуть возмутился он. — Когда по плохому району идешь, на стены смотришь, чтобы кто-нибудь не прыгнул? Нет? Ну вот и мы нет, я на сотне таких зачисток был, всяких тварей видел, но по стенам и потолкам ни одна не скакала. А там еще и трубы, балки какие-то — есть где запрятаться.

— Мальцев, потом побазаришь! — крикнул из «мерседеса» Власов. — Давай на место.

— В караулке дотрындим! — сказал мне Федя и побежал к командиру, выбросив окуроч в лужу. Тот коротко прошипел и погас.

В караулке поговорить тоже не удалось: едва вошли, как последовал второй вызов. Снова была беготня, открывающиеся ворота, езда по темным улицам, где отблески фар скользили по грязной земле и мокрым и обшарпанным стенам домов, затем какой-то флигель с большим подвалом, куда полезли боевые группы.

После тщательного досмотра местности Власов признал тревогу ложной. Ничего не

нашли, но время это заняло. На всякий случай прочесали окрестности, нас с Пашей заставили покататься кругами по прилегающим кварталам, и мы честно катались, наводя фару-искатель, а заодно и пулемет на все подозрительные места, но так ничего и не обнаружили.

— Это нормально, таких вызовов три из четырех, — сказал Паша, когда мы вновь катили в Горсвет во главе колонны. — Считается, что лучше перебдеть, чем недобдеть. Тем, кто вызывает по ошибке, за это ничего не бывает, если, конечно, не выяснится, что это чистое хулиганство.

— А если выяснится?

— Да по репе настучим, чтобы впредь думал.

— А так, чтобы вызовы накладывались, бывает?

— В смысле? — не понял он.

— Ну одновременно еще где-то твари лезут.

— Естественно, — удивился он вопросу. — Три группы дежурят ведь, не только наша.

— А я и не знал.

— Еще две караулки с другой стороны территории, во флигеле. Увидишь еще, мы и там тоже сидим.

Помолчав, он добавил:

— Гляди, светлеть вроде как собирается. Скоро смене конец.

— Будут еще вызовы? — спросил я.

— Не знаю, но... не думаю. Мы в очереди первыми были, так что если случится что, то другие группы поедут. Будем в караулке чай пить.

Я усмехнулся, прислушался к себе, понимая, что отходняк после пережитого никуда еще не делся, и сказал:

— Мне бы не чаю лучше, вот те крест.

— Ну от ста граммов мало кто откажется, но это уже потом, — ответил он. — Тебе, кстати, вообще проставиться бы надо, да и суббота накатывает. Давай с Федькой договаривайся, сходим куда-нибудь.

— А куда? — спросил я, заворачивая в открывшиеся перед нами ворота Горсвета.

— Да вон в шашлычку или хинкальную, которые на Советской. Там нормально, тебе понравится. Не Москва, естественно, но... увидишь, в общем. Главное, что вкусно.

— Это точно главное, — согласился я сразу. — Ну и водка чтобы терпимая была.

— Водка хорошая здесь. Один сорт всего — называется «Водка», но хорошая. С низовьев реки везут: там места хлебные, там и гонят.

Паша оказался прав — больше вызовов для нас не было. Все расслабились, половина дремала, остальные просто попивали чаек, да двое, Федулоч и еще какой-то дядька средних лет, играли в шашки.

— И охота вам под утро? — удивлялся, ерничая, Федька. — Тут адреналин кипит, мы всю ночь монстров душили, душили, душили... А тут — в шашки. В «Чапаева» давайте лучше, навыйлет, гамбиты только выучите, чтобы перед гроссмейстером не облажаться.

— Отвали, трепло, — отмахнулся от него Федулоч, и Федька отправился искать другую жертву.

К утру прибрались, полы вымыли. Смена пришла в десять, приняла от нас имущество и оружие, их старший присвистнул, прочитав записи в журнале. Когда уже начали расходиться, Власов остановил меня, сказал:

— Зайди в ПБУ в воскресенье с утра. К десяти, понял?

— Понял, а чего? — удивился я, поскольку меня проинформировали, что после суток я свободен как ветер и привлечь меня могут только в том случае, если толпы «пионеров» и прочих тварей пойдут на Углегорск приступом.

— Летучка будет по новым привычкам «пионеров», — сказал он. — Ты их засек первый, так что заходи. Это ненадолго, через час свободен будешь.

— Хорошо, — согласился я.

Карабин по совету Федьки я сдал, а вот револьвер в кобуре оставил. Спросил у своего приятеля только:

— Нурик меня в дневальные хочет загнать, говорит, что оружие надо. Нагана-то хватит?

— Там три винтовки стоят в дежурке, так что вполне. Да и не случается ничего в общаге, по большому счету.

— Да, и кобуру бы мне нормальную, чтобы ствол быстро извлекать, — вспомнил я. — Где взять? А то если бы я еще на секунду дольше свою лапал, меня бы на английский флаг порвали.

— На базар сходим, не проблема, — сразу ответил Федька. — Под наганы много чего есть, там подберешь. Кстати, Паша намекал, что ты проставиться сегодня желаешь? Вроде как страдаешь и кушать не сможешь, пока боевым товарищам не нальешь, а те все до капли не выпьют?

— Насчет страданий ты карман держи шире: не страдательный я, и вообще трезвость — норма жизни, — обломал я его в общем плане. — Но сегодня проставлюсь. За уцеление и за первый день.

— Ну так а я о чем? — засмеялся он. — Вот перед этим делом... — он пальцем изобразил у шеи «это дело», — как раз и на базар зайдем. Мне там для «опеля» поискать кой-чего надо.

Мы вышли на улицу. Было уже не так холодно, как ночью, но не менее промозгло и стыло. Мерзкая погода какая.

— Федь, а у вас тут такая погода подолгу?

— Да вся осень до конца ноября, — кисло сморщился он. — Пока снег не пойдет. Потом до середины апреля дубак стоит. Это тебе не Сочи — климат паскудный.

Мы пошли в сторону общаги по пустынной в честь выходного дня Советской. Народ отсыпался после рабочей недели, пока никуда не спешил.

— Федь, кстати, а где ты свой грузовик держишь? А то что-то я его не вижу.

— Да за общагой ставлю — тут же не украдут, чего бояться? А так весь город четверть часа пешком в любом направлении — чего их без толку гонять? А так у многих есть. Себе-то колеса не хочешь?

— Я домой хочу, если честно, — вздохнул я. — Легко бы согласился отправиться туда без всяких машин.

— Об этом, Вов, забудь, — сказал Федя жестко. — Все, считай, что ты для того света помер, нет тебя больше. Скоропостижно скончался. Судороги, понос и смерть там с тобой случились. А обратной дороги из таких ситуаций, как сам понимаешь, нет. Так все же?

— Что — все же?

— Насчет машины.

— Есть предложения? — немного заинтересовался я.

— Ну... да, можно и так сказать, — подтвердил Федя. — Я же тебе рассказывал, по-

моему, про трофейный склад в... одном месте.

— Было дело, — подтвердил я. — А что, не все еще растащили?

— Там место поганое, народ старается не соваться. Ну а мы, фонарщики, вроде как привычные, можем себе позволить.

— А тебе какой интерес голову под пресс еще раз совать?

— За хорошие машины город и платит хорошо. У меня товарищ был, Серега, с каким планировали, да погиб он с месяц назад. А так бы одну вытащили тебе, потом парочку для города, чисто на карман. Или даже в Сальцево бы продали, есть там надежный человек. Махнули бы на трофейные стволы, их там много, а потом через Длинного бы на нашем базаре продавали, копейка бы и капала. Да и вообще, товарищ нужен. Там дальше ЛЭП нетронутая, например, лезть бояться, а за высоковольтный провод город тоже платит отлично, у нас пока, кроме колючки, ничего другого катать еще не наловчились. ТЭЦ вроде есть, уголь есть, а светим везде керосинками. Грузовик есть — напарника теперь нет, а так бы халтурили на пару. С таких ходок можно еще две зарплаты в месяц поднимать, а то и больше.

— Что за Сальцево? — споткнулся я о непонятное название.

— Да городишко тут неподалеку, верст сорок к югу, — махнул рукой Федька. — Там народ обживается, которому тутошние порядки не по нраву. Тоже населения тыщ десять уже, не меньше. Веселое место, и базар там хороший.

— А генератор? — напомнил я ему о его давешней идее фикс.

— За генератором гнать надо завтра, в долгий ящик не откладывая. Генератор — это навряд ли дара небес здесь. Где есть генератор, там, считай, уже безопасность, можно новый дом даже осваивать.

— А чего, здесь не делают? — удивился я. — Моторов же много, трудно ротор со статором соорудить?

— Нетрудно, но дорого, да и не продают их просто так, каждый двигун на счету. Кустарям надо много чего добыть, чтобы потом свой генрик завести.

— Генрик?

— Генератор в смысле, тут его так окрестили.

— Меня назавтра на летучку призывают, — напомнил я.

— Это я слышал, — отмахнулся Федя. — Там ненадолго, а мы потом самое большее за четыре часа обернемся, до темноты запросто успеем. Я прямо туда за тобой заеду — все равно автомат из оружейки брать, я с одним тэтэшником за город не поеду.

— Как скажешь, — кивнул я.

Общага встретила шумом, волейболом во дворе, несмотря на дождь. Под навесом меж двух корпусов, мужским и женским, большая компания жарила шашлык, тянуло дымом. Там смеялись, тренькала гитара — в общем, народ учился развлекаться без телевизора.

В самом корпусе тоже было суетно, в буфете, в который мы заглянули на чашку чаю, народу тоже хватало. Играл патефон, с хрипом извлекая из заезженной пластинки какой-то вальс, еле пробиваясь через гул голосов.

— Что-то людно для субботнего утра, нет? — удивился я, увидев такую картину.

— А тут буфет вроде как клуб. Если с темнотой на улицу не выйдешь, где еще собираться? Поэтому такие есть везде, и население в них ходит.

Взяли по стакану чаю с парой ватрушек у молодой задастой и грудастой буфетчицы, улыбавшейся всем в тридцать два зуба, отошли за столик у зарешеченного окошка.

— А шашлычные как же существуют со всякими хинкальными, что на Советской? По

вечерам пусто?

— Да не, с чего это? — удивился Федя, размешивая в своем стакане не меньше пяти ложек сахару. — Кабатчики, правда, чаще всего и живут в этих домах, а клиенты... по-разному. Ближе к ночи «пепелацы» объезды делают, что-то вроде такси есть, а кто и просто на машинах. Мы на «блице» покатым, так что без проблем.

— А если в темноте на улице оказался, то вероятность не дойти до дому какая?

Федя задумался, глядя в потолок, затем все же сказал, явно с сомнением:

— Ну не так чтобы очень большая, скорее всего дойдешь, но... понимаешь, смерть очень уж плохая, если на тварей нарвешься. Это хуже, чем собаки разорвали. И все равно — десять раз дойдешь, а на одиннадцатый нарвешься. Ты вот «пионеров» видел, так? А это ведь тварь обычная, не из гнусных.

— А что гнусное?

— Много чего. Призрака встретишь, например. Потом дойдешь до дома и там такое устроишь... Вон месяца три назад на Свердлова мужик семейный жил себе, задержался где-то, пришел домой. Топором жену и ее подругу зарубил, второй на улицу выскочить успел, и еще соседа изувечил, который на шум прибежал, — руку потом отняли.

— А с ним что? Убили?

— Нет, живым взять удалось. Случайно почти, он еще за одним мужиком по подъезду погнался, споткнулся и скатился вниз. А тот, не будь дурак, навалился на него. Ну и вышло, что отпустить страшно, а вязать нечем, да и не получится. Так и держал, пока еще люди не набежали, стали ремнями вязать. Сразу-то не видели, что он троих положил.

— А потом?

— Потом уже мы прибыли, ну... не наша группа в смысле, а вообще из Горсвета — коллеги, в общем.

— И чего?

— Приказ у нас конкретный: если есть хоть какая-то возможность брать живьем — брать.

— И куда потом?

— В НКВД, в подвал.

— В НКВД? — чуть удивился я.

— Ну у нас там все сразу — и администрация, и безопасность местная, и научный отдел, и даже минздрав местный, просто сидят на Крупе, в бывшем здании местного областного НКВД. Здоровый дом, крепкий, вот и заселились. Там и камеры есть в подвалах, вот в них такие одержимые и сидят. Кстати, даже расстрельная есть, говорят, пробкой обитая. Все стенки пулями покоцаны, — видать, не простаивала в свое время.

В зале появился Паша, помахал нам рукой, но присоединяться не стал — подсел к двум молодым женщинам за столик у дальней стены. Те радостно его приветствовали, а я обратил внимание, что обе очень симпатичные, особенно одна, сидевшая ближе к стене, с гладкой прической — волосы собраны в хвост, и с тонким профилем породистого лица. Еще отметил, что целовался Паша с другой, не с ней. Так просто отметил, без причины, но галочку где-то на подкорке поставил — очень уж понравилась.

— Ну чего, — сказал Паша, отставляя пустой стакан. — Я спать пошел. На базар потом еще топать.

— Ага, я тоже, — закивал я, дожевывая ватрушку и заливая в себя последнюю пару глотков чаю.

Бросив последний взгляд на красивую женщину, я пошел следом за Федькой. И вправду дел еще полно, а завтра вообще день суетной ожидается, надо бы выспаться. Да и колбасить меня продолжает после ночных приключений. То на говорливость пробивает, то на смех дурацкий.

Выспаться всерьез за оставшиеся четыре часа не удалось — ну да ладно, мне не привыкать, да и вообще, я спать не люблю: жалко времени — ты спишь, а жизнь проходит, — так что с этим все в порядке было. Посидел на койке, помотал головой, отгоняя дрему, потом ополоснулся под прохладным душем — да и проснулся.

Федька, когда я вернулся в комнату, тоже возился у себя за ширмой, уже что-то напевая, и, когда я вошел, спросил:

— Готов? Двинули?

— Без проблем.

— На машине поедem, — объявил он.

— Потому что на базар?

— До базара два шага. Потому что в кабак: затемно домой возвращаться будем. На колесах побезопасней.

Решив, что слова «попойка» и «безопасность» связаны слабо, если кто-то садится за руль, я предпочел этот момент прояснить. На что получил логичный ответ:

— Тут все равно не погоняешь, ну и дэпээсников нет на улицах. Так что проблем не ожидается. А если опять на «пионеров» наткнемся, или мартыхаев, то можно там путь свой и завершить.

Ладно, ему виднее. Если в таком разрезе рассуждать, да еще ехать не на маленьких жестяных «жигулях», а на большой железной трехтонке, то выглядит такая идея не слишком уж страшной. Можно и прокатиться — встреча с забором сулит печальную судьбу все же забору, а не нам.

По дороге налили воды в большую канистру, которую прихватили с собой. Во дворе общаги было еще шумней, волейбол прекратился. Но шашлычничали уже две компании, а под навесом уже пели хором, причем что-то жутко советско-попсовое вроде «Миллиона алых роз», который в исполнении не очень трезвого, но очень громкого, нестройного хора звучал просто потрясающе. На дереве висели две самодельные доски для дартс, правда заметно отличающиеся от привычных мне. Видать, из какой-то другой реальности сюда занесло.

Машина стояла совсем рядом — мы только за угол завернули. Рядом с ней в переулке стояло еще с пяток, и, судя по следам, несколько машин куда-то уехали, так что Федька не оригиналом был с частным транспортом.

Сначала перелили воду из канистры в радиатор, потом забрались в кабину, а вот затем произошло нечто меня озадачившее. Завелась машина непривычно — сначала Федька отпер своим ключом какой-то рычаг, скинув с него стопор, а затем этот рычаг потянул на себя. Что-то свистнуло под капотом, раздался звук быстро раскручивающегося стартера, потом мотор чихнул пару раз и завелся.

— Че-то не понял, — честно заявил я. — Тут машины как заводятся?

— Воздухом, — сказал Федя, вылезая на подножку с тряпкой в руке и протирая лобовое стекло. — Аккумуляторов-то тут хрен-ма, а если и есть, то их для военной техники под таким контролем берегут, что лучше даже не мечтать. Найти нормально сохранившийся невозможно. Вот вместо них баллоны ставят, куда воздух подкачивается, вроде как тормоза на грузовиках бывают, в курсе?

— Ага, помню, на «ЗИЛах» такие были, я еще мелким удивлялся — чего это «ЗИЛ» как встанет, так обязательно свистнет или пыхнет.

— Именно, — кивнул он, возвращаясь в кабину и откидывая грязную тряпку под сиденье. — А если нет воздуха или система сломалась, то хватай кривой стартер, качай мышцу. Ладно, поехали.

«Блиц» рыкнул, лязгнул коробкой передач и медленно тронулся с места.

Рынок был настоящим. В смысле место, на котором он находился, и раньше было рынком. Над воротами его так и было написано: «Колхозный рынок». И за воротами все было так, как с детства и памятно: грубые деревянные прилавки под навесами, грязь и окурки под ногами, продавцы, кутающиеся в фуфайки и ватники, смолящие папироски и лениво перебалтывающиеся друг с другом, серые мешки с перепачканной в земле картошкой, кочаны хрусткой капусты, выложенные горками. Еще были яблоки, пара сортов, висели сушеные грибы на нитках.

Откуда-то несло знакомыми запахами соленьев, перекрывающими запах гниющих овощей, — и действительно в крепком деревянном лабазе, что расположился у забора, виднелись кадушки, из которых тебе дородная тетка в грязном халате могла навалить хоть помидоров, хоть капусты, хоть огурцов. На них, в сущности, список разносолов и заканчивался. В общем, все как в упомянутом детстве в средней полосе России, в самом что ни на есть Нечерноземье. Импортных ананасов тогда на базарах не продавали, да и колхозные узбекские персики не в каждый город доезжали.

Дальше в рядах была рыба — вяленая, копченая и свежая, было мясо, но уже остатки, привлекательные разве что для собак: свежатину в шашлычную субботу раздергали наверняка с самого утра. Ну и молочное, сыр да творог, простокваша в банках из зеленоватого стекла.

Народу тоже хватало. Были и мужчины, и женщины, старые и молодые, все с сумками и мешками. Звякали весы с широкими тарелками, на которые торговцы быстро выкладывали чугунные черные гирьки, товар переваливался в сумки и мешки. У павильончика с вывеской «Картошка» была небольшая очередь, мешки приставлялись к горловине деревянного желоба, и туда с гулом и грохотом катились картофелины, распространяя вокруг запах сырой земли.

Краем глаза отметил, что много людей было вооружено. Не все, и даже не половина, но все же многие. У кого пистолет в кобуре, у кого и вовсе винтовочный обрез, причем не только у мужчин.

— Че смотришь, как царь на жида? — толкнул меня в бок Федя. — Так и живем, и ничего, что пожрать — находится.

— Да не, все нормально, — отмахнулся я от несправедливого подозрения. — Просто воспоминания накатили, как с бабушкой ходил — совсем пацаном еще. Ох она и торговалась! Любила это дело. Она хохлушка — хоть в России лет двадцать прожила, но даже язык толком не выучила, гнала на суржике.

— Со вкусом торговалась? — усмехнулся Федька.

— Не то слово. Кстати, родители-то на работе были, а я с ней так до третьего класса примерно, у меня такое украинское «г» в разговоре было, что даже сейчас помню.

— Это как?

— А я однажды очень удивился, обратив внимание, что все остальные его по-другому

произносят. Ну и я попытался.

— Получилось?

— А че, не слышно?

— А я не вслушивался — была охота. Ладно, нам дальше надо. — Он указал на длинный кирпичный дом, кривовато выложенный и осевший в землю хлипким фундаментом, на котором висела потресканная вывеска «Уцененные товары».

— Ох, ё... — покачал я головой. — Тоже в наследство осталась?

— Ага. Так его и знают, хотя уценки хрен дожدهшься. Тут все сразу в одной куче, несколько торговцев вскладчину снимают. И мне туда, и тебе.

Покосившееся и кривоватое крыльцо в «Уцененные» было выложено из вытертого желтоватого кирпича, дверь открывалась на чудовищно тугой пружине, а потом, выпущенная из рук, с грохотом захлопывалась. Я еще подумал, как торговцы все это в течение дня выдерживают.

Торговцам на первый взгляд стук был по фигу. Они стояли кучкой, вполглаза поглядывая за посетителями, копавшимися в товаре, и трепались о чем-то своем. Один из них, короткий, темноволосый, с густой щетиной на толстых щеках, одетый в длинный черный кожаный плащ с пелериной и застежками на рукавах, живо напомнивший мне расстроенную моими требованиями заведующую вещевым складом в Горсвете, развел руки приветственно, сказал громко с сильным акцентом:

— А, Федя! Что привез?

— Мамед, ничего не привез, за покупателя сегодня, — покачал головой Федька и добавил: — И вообще не к тебе, а к Петру.

— Петя заболел — живот болит, меня за себя оставил, так что ко мне, — засмеялся торговец. — Надо было забиться с тобой на сотню, и торговать сегодня не надо.

— Тогда ищи свечи мне на «блиц», вот такие...

Федька полез в карман, вытащил свечу зажигания, завернутую в клочок газеты, протянул Мамеду, а мне сказал:

— Вон к Славе иди — он тут по оружию.

При этом рукой показал на молодого, очень высокого и очень сутулого парня с длинными светлыми волосами. Тот как раз прислушивался к разговору, поэтому сразу спросил у меня:

— По оружейной части?

— Да кобура нужна, — сразу заявил я, чтобы не внушать излишних надежд. — Для нагана. И все.

— Без проблем, — сказал он решительно. — Давай в мой отсек. Во, гляди, БЧ номер шесть, чего сыздил — должен съесть. Выбирай.

Отсек, отгороженный от остальных двумя листами вертикально стоящей фанеры, был маленьким, зато плотно забитым товаром. На стене висели винтовки, наши «мосинки», длинные и короткие, и немецкие маузеры. Было несколько двустволок, причем совершенно одинаковых, только разной степени потрепанности. Была пара итальянских «каркано» с огромной надписью возле них «Большая скидка!». Ну да, калибр-то...

К удивлению моему, увидел и пару вполне пристойного вида СВТ-40, хотя Федя сказал, что в продаже обычно одни «болты». Ошибся Федя.

На прилавке под толстым стеклом лежали пистолеты. На них, признаться, глаза немного разбежались.

Незнакомых не было, тут альтернативная действительность сильно не нахулиганила. Глаз сразу задержался на компактном «Вальтере ППК», с него перескочил на его армейского родича ПЗ8 — мечту моего детства. Рядом красовались два парабеллума — с длинным стволом и обычный. Был и большой «девяносто шестой» маузер, и маузер компактный, для карманного ношения, и такой же маленький «зауэр». Были и наганы, такой как у меня, и с коротким стволом, как сказал Слава, «милицейский, типа угрозыск такие носил». Это уже что-то новое.

— О, и вот чего есть... — тормознулся я на традиционного вида пистолете. — «Хай пауэр»?

— Ага, канадского образца, ленд-лиз, — сказал продавец, вынимая ствол из прилавка и протягивая мне. — Почти не битый, тринадцать в обойме, одна запасная, кобура в подарок.

— В магазине, — поправил я его.

— У нас обоймой звали, — возразил Слава.

— Значит, неправильно звали, — приговорил я его действительность за неграмотность, после чего спросил: — И сколько?

— Только для вас — двести рублей.

— А если не только для меня? — уточнил я.

— Тогда тоже двести, но уже никакого ощущения эксклюзива, — ухмыльнулся он, сверкнув дыркой в ровном ряду зубов. — Уровень удовлетворения при этом намного ниже.

— За удовлетворением я бы в бордель сходил, а мне бы скидочку.

— Борделей тут нет, в ближайший сорок верст, и все лесом, аж до Сальцева, а за скидочкой так еще дальше, — еще радостней объявил он, после чего добавил чуть серьезней: — Редкость, канадские браунинги в ленд-лизе вообще редкость, а кольты Администрация подмяла, так что смысла мне нет скидывать — все равно заберут. Он так первый день лежит, за пару дней точно продам. Тэтэшники тоже в городском арсенале, так что если нужно — у меня не ищи.

— Ладно, померла так померла, — отказался я от мысли о покупке и вернул пистолет Славе. — По-любому денег мало. Кобуру бы мне для нагана, чтобы выдергивать быстро.

— Выбирай, — сказал Слава, выставляя на прилавок большой короб. — Тут разные, от всяких мастеров — смотри что по вкусу, все сплошь для нагана, весь ящик. А вообще, есть подешевле браунинга пистолы, если надо, тот же парабеллум отдам за сто двадцать. Или карманный какой возьми — девушке подарить, у нас это даже модно.

— Слушай, я только провалился, аванс пока выплатили, да и все. И девушки нет, она по ту сторону осталась. В другой раз зайду, когда денег прибавится.

— Как знаешь, — пожал он плечами.

Из ящика крепко пахло недавно выдубленной кожей. Я взялся копаться, быстро убеждаясь, что качество товара даже несколько превышает ожидаемое. Кобуры были все больше двух видов — мягкие и легкие, удерживающие револьвер клапаном и предназначенные для ношения под мышкой, и поясные, потверже и потяжелее, некоторые даже отформованные.

Одна приглянулась — из хорошо выделанной, толстой кожи, рельефная, с удобным клапаном, который и выпасть не даст, и сорвется от рывка. И рука на нее удобно ложится: я наган достал и примерил, — и сама прошита на совесть, видно, что проживет долго. И на ремне тоже удобно села, разве что рукоятка непривычно высоко поднялась. Но это ничего, так, кстати, даже удобно тянуться и из-под куртки не видно.

— Формовки по пятнадцать, плоские по десять, — сразу предупредил продавец. — Купил бы ствол — дал бы бесплатно.

— Не, ствол пока дорого, — покачал я головой. — Вот эту возьму.

— Еще надо чего?

— Да не, все, экономить пока надо, — сказал я, вытаскивая из кармана расчетную книжку.

— Будут лаврики — заходи, всегда что-то найдем, — сказал Слава, перекладывая деньги в карман и протягивая кобуру. — Ты же в Горсвете с Федькой?

— Ага.

— Тогда и деньги будут: Федька на заднице не сидит, шуршит как электровеник, и ваши покупают часто. Заходи, в общем, дорогу теперь знаешь.

В общем, недолго возился, Федька застрял, похоже, куда серьезней. Свечи лежали перед ним на прилавке, но Мамед теперь копался в каких-то шлангах, я особо не всматривался. Было на что и так глянуть.

Магазин еще и одеждой торговал — как раз в соседнем с оружием отсеке, и заведовала этой торговлей средних лет худошавая женщина с остатками краски на волосах, — видать, еще в той действительности красилась.

— Нужно что? — сразу спросила она, стоило мне лишь глянуть на товар. — Зима на носу, запастись пора.

— Выдадут, — сразу отбоярился я от настойчивого маркетинга.

— Форму, — уточнила она. — А к барышням? Что-то приличное нужно.

— Барышень нет, так что неактуально, — усмехнулся я в ответ на ее заявление.

— Это упущение: мужик видный, — чуть добавила она кокетливости, которой я предпочел не замечать. — А тут вот какое-никакое шитье наладили, уже поприличней. Брючата вон шьем из тонкого брезента, не хуже джинсов получаются, куртки кожаные. Тулупчики завезли — как раз с утра развесила, видишь?

Она указала тощей рукой с обгрызенными ногтями на вешалки с вполне добротными тулупами, короткими и длинными. Были даже дубленые куртки вроде «бомберов», какие не стыдно было бы надеть и «по ту сторону». Я даже задумался: как без такого зиму зимовать, — лучше ведь и не придумаешь ничего.

Кстати, «брючата из брезента» тоже по детству моему вспомнились. Джинсов было не достать, да и денег за них спекулянты просили немерено, далеко не всем по карману, — вот народные умельцы из «брезентухи» бурого и зеленого цвета наладили пошив некоего их подобия. Даже в моду тогда вошли, помню, бурые еще и «вытирались» на манер пресловутых и желанных американских штанов.

К кое-каким, пошитым на манер «тактических», я даже присмотрелся, цену спросил, которая не отпугнула. На службу их даром не надо, к сапогам лучше всего казенные галифе, а вот так — гулять, например... Буду же гулять. Ходить куда-то буду, наверное. В кабак, например. Или в кино, в котором ночью с «пионерами» бились.

— На кожу посмотри, куртки вон, даже штаны можно пошить, но это уже по мерке, — продолжала просвещать меня торговка.

Штаны для мотоциклиста — хорошо, кто спорит, на «харлее» даром что щитки стоят, а грязь летит все равно. Пригодились бы тоже. Их даже если и изляпаешь, так тряпочкой протрешь — и порядок.

А вообще, много чего пригодилось бы. Свитера вязаные, пусть из грубой пряжи, но

теплые, лежали стопками. Были вполне серьезного вида бушлаты на вате, на манер армейских пошитые, и простеганные фуфайки со штанами. Нашлись и шапочки «гандонки», на манер вязаных подшлемников, некоторые еще и в маску раскатывались. Когда Федька, обернувшись, увидел, что я такую рассматриваю, он даже не удержался, сказал:

— Хрен ли думаешь, а? Бери, тебе на моце кататься зимой, а никто на складе маски не выдаст, всю будку выступишь. Их к сезону разбирают.

— Верно Федька сказал, — поддержал его прислушивавшийся к разговору Слава. — Без маски зимой жизнь не в жизнь.

Пришлось взять, расставшись с десяткой. Я на самом деле и сам это понимал — несложно представить результат езды на мотоцикле по морозу без нее. Сунул шапочку в карман, скрутив, решил больше ни на что не тратиться, а то черт его знает, какие счета здесь в кабаках выставлять принято.

— Кстати, а с обувью как? — спросил я у продавщицы на всякий случай.

— Соседний флигель, там Оганесян-сапожник целый цех организовал, — указала она рукой куда-то на стену. — Хорошо шьет, особенно если фасон не сам придумывает, а ты ему говоришь, что нужно. Ну и лавка обувная там есть, хочешь — глянь пойд.

— Ладно, в другой раз загляну. Федь, закончил? — спросил я товарища.

— Ага, почти, сейчас пойдём, — кивнул он и обернулся к продавцу: — Мамед, мешок или пакет дай.

— Где я тебе пачет возьму? — слегка возмутился продавец, заодно проявив свою национальность произношением слова «пакет». — Нет у меня пачет, я тебе что, «Седьмой континент»? Мешок приноси.

— Да забыл я, — досадливо поморщился Федька.

— Мешок дам, другой раз принесешь.

— Давай, потом разберемся.

Федя купил какую-то увесистую железную деталь для машины, как он сказал — про запас, но что именно, я не увидел, а в мешке не поймешь. Разве что вид у него довольный был, — видать, и вправду нужное.

— Ну что, до машины и в кабак? — уточнил он, когда мы вышли на улицу, на сырой и холодный ветер.

— А есть еще планы?

— Никаких.

— Ну и у меня никаких, — заявил я. — Не вижу ни одного повода, который мешал бы нам выпить.

— «Я люблю тебя, жи-изнь... — запел Федя, — что само по себе и не ново!» Ну чего встал, пошли скорей, шланги горят, и на старый стресс новый накладываться начинает. От «недопила».

— Ты сам шире шагай, — подтолкнул я его. — Давай как в классике: «А я иду, шагаю по Москве».

— Это ты по Москве, — прервал он меня. — А я с других краев.

— Это каких? — удивился я.

— «Пад го-оро-одом Горьким, где люди-и как волки, в рабо-очем поселке па-адруга живе-ет!» — протянул он так громко, что какая-то тетка, не ожидавшая приступа Федино го вдохновения, шарахнулась в сторону, чуть не выронив авоську.

— Так это чего, сюда не все из Москвы сыплутся? — удивился я. — Или ты в другом

месте вынырнул?

— Из разных проваливаются, — ответил он, поудобней перехватывая увесистый мешок. — Но из Владивостока или Парижа пока не случались — есть какие-то лимиты по радиусу. Так, все больше Средняя Россия, но совершенно вперемешку.

— Хм... — озадачился я. — А вообще какие-то закономерности есть?

— Есть... на дупе шерсть, — вздохнул Федя. — Толку-то с них? Тебе на лекцию идти надо?

— В понедельник надо, сказали.

— Так ты на работе предупредить не забудь, — напомнил он мне. — А вообще, за все закономерности там тебе и расскажут. Наверняка кто-то из ученых будет — для этого и собирают, чтобы поведать, что у нас тут и к чему. И каким боком. Или раком.

— А больше все же боком или раком?

— Все больше раком, ну и выходит боком, — усмехнулся он. — Входит и выходит. Не было, говорят, поначалу у Тьмы такой активности: чем дальше, тем больше проблем от нее. И твари сильнее становятся. Никогда ведь по стенам не ползали, а сегодня, а? Аки посуху, то есть по полу.

У меня в мозгу намертво отпечатался стоп-кадр, в котором темная и жуткая тварь ползет по потолку с твердым намерением распотрошить меня, наивного. Как вспомню, так мороз по коже.

— Кстати, в понедельник мы выходные, так что предупреждать некого. И незачем, — сказал я.

Машин у рынка немного поубавилось — самое торговое время уже прошло, народ расходился. Сворачивались и торговцы. Несколько колхозников курили папиросы возле большого «студебекера», о чем-то разговаривая и посмеиваясь. На борту грузовика была крупная надпись белыми буквами: «Колхоз «Раменское». Лучшая свинина!»

— По субботам мясом хорошо торговать, — кивнул на них Федя, попутно закидывая в кабину мешок с железякой. — А у раменских и вправду свинина самая хорошая — черт знает что там у них за свиньи.

— Колхоз-миллионер? — усмехнулся я, вспомнив старые формулировки.

— А то! Получше многих живут. Свиньи у них, птицеферму открыли. Уважаемые люди. Отряд самообороны организовали.

— Кстати, Федь, я вот чего спросить хочу, — сказал я, забираясь на пассажирское сиденье. — А вообще, у вас тут что за государственное устройство?

— В смысле? — не понял он.

— Ну Углегорск — город областной, так?

— Так, был раньше, до того как люди исчезли.

— А сейчас?

— Сейчас... сейчас он вроде как областной, только область куда меньше. Несколько деревень и городок Захолмье подчиняются, а Сальцеву на область класть вприсядку, сами по себе живут. И еще несколько деревень вовсе под ними числятся.

— Не враждуете?

— Если явно, то нет, — сказал Федя, запуская стартер. — А так враждебность есть, как не быть. Главе Администрации такое пренебрежение как серпом по яйцам, он конкурентов вообще не любит, а по мне, так и хорошо, что Сальцево имеется.

— Это почему?

Машина тронулась с места и покатила со стоянки, пристроившись в зад какой-то потрепанной полуторке с вырванным задним бортом кузова, в котором горкой лежали пустые дерюжные мешки. На них сидел, опираясь на борт, крепкий бородатый мужик с трехлинейкой за плечом.

— Почему? — повторил вопрос Федька. — Да потому, что так конфликтов меньше. У нас тут сам видишь — практически социализм, чуть не военный коммунизм. Ну и сбились в кучу здесь те, кто считает такую жизнь в данных обстоятельствах правильной. А все, кто не считает, не мутят воду, а перебрались в Сальцево, где живут по своей вере. Чем плохо?

— До драк не доходило?

— С сальцевскими-то? Нет. Мало нас, и так проблем хватает, куда тут воевать. А так всякое бывает. Разведбат постоянно то с бандитами, то еще с кем дерется. Не до Сальцева. Да и народ туда дорогу знает — у кого дела, кто и поразвлечься ездит, и базар там хоть куда.

— Мирное сосуществование, в общем.

— Именно. Сосущее-ствование. Непонятно только, кто в финале и у кого сосать будет.

— Дойдет до конфликта все же?

— Дойдет рано или поздно, два медведя в одном гнезде — сам понимаешь. То, что до сих пор не сцепились, — ваще ни разу не показатель, все впереди.

Езда была недолгой — только вроде бы выбрались со стоянки на улицу, разогнались, пару раз повернули и оказались на Советской, как раз у трехэтажного дома, у которого над дверью висела вывеска с надписью «Шашлычная «Телави». Это было единственным признаком того, что в доме находится пункт общепита, потому что во всем остальном дом напоминал небольшую тюрьму. И впечатление такое создавали, естественно, мощные решетки на окнах всех этажей, которые вкупе с потемневшим красным кирпичом выглядели мрачновато.

Перед кабаком в рядок выстроилось несколько машин, включая знакомую по фильмам «эмку» и полноприводный «ГАЗ-67». Там же стояла полуторка с самодельным фанерным кунгом, на котором было написано: «Трактиры Абуладзе».

Мы, выпрыгнув из кабины, решительно направились к двери кабака. Жрать уже хотелось откровенно, да и успокоительного принять после веселой ночи тоже требовалось.

С трудом оттолкнув массивную дверь, мы проникли в полутемный зал заведения, наполовину заполненный посетителями.

— О, отлично, пока стол еще можно выбрать, — сказал Федя. — А то скоро понабегут сюда — место популярное, к тому же суббота.

Я огляделся. Интерьер особыми изысками не поражал — массивные столы, лавки, стены местами кирпичные, местами штукатурка — не обветшание, а элемент декора такой. У дальней стены длинная стойка бара с высокими табуретами перед ней. За нею с сосредоточенным видом наливал пиво в высокую кружку толстый седой кавказец.

Сбоку от стойки виднелось окно на кухню, возле которого сейчас со скучающим видом стояла крепкого сложения деваха с пустым подносом — явно официантка, ожидавшая заказа.

— Давай куртки бросим — мол, стол занят — и пойдем заказ сделаем, — сказал Федя.

— А официантка их не принимает?

— Не, как Шалва говорит, тут все по-грузински, как у них принято. Подошел, посмотрел на мясо с сыром, выбрал что нравится, там и заказал. А вот готовое уже принесут.

Ага, не знаю, из какой действительности был этот самый Шалва, но в моей так и было — вспомнилось, довелось мне в Грузии побывать. И во всех трактирах за городом, которые

больше под открытым небом, такая система и была.

— Здравствуй, Шалва, здравствуй, дорогой! — с ходу заявил Федя, подходя к стойке.

— Гамарджоба [\[1\]](#), дорогой, — сказал толстяк, явно собираясь Федьку обнять, да вот стойка помешала, поэтому просто руку пожал.

Затем и я с ним поручкался. Хоть и толстяк, а ладонь крепкая. Заодно Федя представил нас:

— Шалва, это Володя — новый коллега; Вова, это Шалва Абуладзе — владелец данной пашлычной и соседней хинкальной, кулинарный бог нашего Отстойника.

— А, ты скажешь! — отмахнулся толстой волосатой рукой Шалва. — Володя, знакомы будем. Ты сегодня это... ра квия [\[2\]](#)... проставляешься?

— Именно так, — подтвердил я его догадку. — Рекомендаций ждем.

— У меня только вина нет, откуда его брать, а в остальном все хорошее. Сулугуни свежий, это друг мой в деревне делает, есть еще копченый, шашлык... я давай вам разный сделаю, лопатка, шейка, окорок... сколько вас?

— Трое, еще один сейчас подойдет.

— Пить что будете?

— Водочки нам, — сразу влез Федя. — Мы после ночного — стресс у нас.

— Хо!.. [\[3\]](#) Стресс надо водкой, верно. С зеленью теперь плохо, понимаешь, а остальное все принесем. Мужужи будут, хачапури... Садитесь, в общем, все принесем. Барышни ожидают?

— Откуда у меня барышни — второй день здесь всего, — засмеялся я.

— Федя вон не второй день — и ходок хоть куда, — кивнул Шалва на моего товарища. — Бери пример.

— Не, таких планов вроде не было сегодня, если только кого знакомых увидим, — ушел в отказ Федя. — А так — мужская компания, первое дежурство обмываем.

— Ну тогда давайте кутите, — сказал Шалва, просматривая, что он записал в блокнотик, пока нам меню диктовал.

— Пошли, Володь, все будет в лучшем виде.

— Часто здесь бываешь? — спросил я его, когда за стол уселись.

— Да частенько, — кивнул он. — Так по талонам питаюсь, тратить особо и некуда, вот с девушками и заходим. Сюда — поужинать, потом — в «Би-Боп», джаз послушать. Других клубов тут нет, а так народ играет, и неплохо. Где Паша-то, обещал же не опаздывать.

[Купить полную версию книги](#)

Здравствуй (груз.).

Дословно: «Как называется», буквально: «Как его...» — затруднение с подбором слова (груз.).

Буквально: «Ага!» (груз.)